

МИХАИЛ ИГНАТОВ

ЛЕКАРЬ

ВТОРОЙ ПОЯС

Путь (Игнатов М. И.)

Михаил Игнатов
Лекарь. Второй пояс

«Игнатов Михаил»

2021

Игнатов М. П.

Лекарь. Второй пояс / М. П. Игнатов — «Игнатов Михаил»,
2021 — (Путь (Игнатов М. И.))

Сила и талант заставляют тебя искать свой путь, а не идти по проторённому. Ты надеешься перехитрить всех и пройти там, где другие пропали без следа. Но ты забыл, что однажды твоя слабость уже привела тебя к беде, ты забыл, что планы уже срывались и теперь ты в ловушке. На этот раз не один, а со всеми, кто тебе доверился. Вот только и те, кто повесил на тебя цепь, забыли, что за ошибки всегда нужно платить, и не знают, что есть вещи, которых ты не прощаешь. Если только сумеешь обмануть всех, сможешь сорвать цепь, которой даже сила Неба не указ. Главное помнить – безвыходных ситуаций не бывает. Лишь бы цена не оказалась слишком для тебя велика. Впрочем... Все они готовы её заплатить. А ты?

© Игнатов М. П., 2021

© Игнатов Михаил, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Михаил Игнатов

Лекарь. Второй пояс

Пролог

На эти тренировки я никогда не брал никого из семьи. Раньше всегда уезжал в лес один, теперь за спиной всегда маячила тень Золака.

– Не нужно так коситься на меня, старший. Ваше намерение столь остро, что заглушает ветер.

– Ты слышишь ветер?

– Это ведь моя стихия, старший. Уверен, что вы тоже... ну, не слышите, а ощущаете воду.

Я замедлил шаг, чтобы Золак поравнялся со мной и мне не пришлось оборачиваться, чтобы видеть его лицо. Ему бы казалось, что лицо. Меня же больше интересовали Указы.

– Слышал, что во Втором полностью окрашенные волосы не ценятся.

К удивлению, Золак ответил прямо, не изворачиваясь, как Шелеост:

– Так и есть. У старших фракций.

Один из Указов, трёхцветный, начал слегка пульсировать, то разгораясь, то притухая. Всего лишь. Хотя Шелеоста даже от байки перекосило. Силён Золак. Дальше я спрашивать не стал. К чему проверять границы разрешённого? Задумавшись, я продолжал оглядывать Указы Золака. Опомнился только когда тот нахмурился и спросил:

– Старший?

– Задумался.

Я отвёл взгляд. Странно я выглядел, в упор, не спуская глаз с идущего рядом. Задал вслух мучивший меня вопрос:

– Золак, как вышло, что ты так точно знаешь время своей жизни? На тебе Указ, который ты не собираешься выполнять?

– Нет, старший. Я хоть и стар, но не стал бы заключать такой контракт, – при этих словах я едва удержался от кривой усмешки. – А без моего ведома и крови такое не провернуть. Я отравлен.

Как бы я ни считал, но среди контрактов и Указов Золака и впрямь не нашлось ничего такого, что убило бы его. Разве что в трёхцветных, но где Золак и где вилорцы?

– Разве это не гораздо проще, чем Указы? За те деньги, что ты отдал мне, можно было купить лучшего алхимика Пояса.

– Старший ещё слишком молод. Лучшие не продаются за деньги. Только за услуги.

– Это как?

– Они требуют ответной службы. Можно ли отказать тому, кто способен тебя спасти? Жизнь гораздо важнее.

– Так что они требуют? Охраны?

– Реже всего. Большое везение, если в качестве платы эти мастера согласны принять уникальную вещь. Хуже всего, когда тебе приходится дать обещание выполнить когда-нибудь просьбу такого человека. Не люблю подобных скользких договоров.

– Но у нас с тобой именно такой.

– Вы слишком сильны, старший. Будь дело иначе, и я, конечно же, предпочёл бы контракт.

Я кивнул. Своим мыслям. Ведь в моём случае контракт бы не значил ничего. Ни-че-го. Работающий контракт на мастера Указов. Какая глупость. Поняв, что мы остановились и Золак всё ещё глядит на меня, успокоил его:

– Я выполню обещание. Зотар будет записан вольным. Хотя не думаю, что его удержала бы какая-то запись о служении мне.

– К чему сложности со стражей? К чему начинать жизнь во Втором с бегства? Никогда не знаешь, в какой момент тебя догонит такое прошлое. Вроде стал уважаемым купцом, а в ворота уже стучит стража с долговой распиской и набежавшими процентами.

Я вспомнил историю дяди Варо и снова кивнул:

– Ясно. Так значит никто из лучших алхимиков Пояса не захотел оказать тебе услугу.

– Неверно. Думаю, не больше одного, двух людей в Поясе способны меня вылечить. Я просто не могу тратить время на их поиски, – я не отвёл глаз и Золак сдался. – Это яд Второго пояса. Очень сильный яд с чуждой мне стихией, которая сжигает моё тело изнутри. Такие... вещи используют разные... люди во Втором. Те, у кого нет своих мастеров Указов или кто не хочет сообщать чужим мастерам Указов, что этот человек несёт на себе смертельный контракт.

– Больше похоже на средство теневых гильдий.

Золак усмехнулся:

– Старший сам сказал это.

– Удивительно, что подобная вещь оказалась в нашем Поясе.

– Ничуть. Через Врата чего только не попадает в Первый каждый месяц. Особенно среди вознаграждения фракций за таланты.

– От имперцев?

– От них тоже. Плохо то, что иногда эти вещи попадают глупцам. Тем, кто не знает, что к яду ещё нужно и противоядие.

Я промолчал. Мне нечего было сказать в ответ. Думаю, это и есть причина того, что Золак спасает внука бегством через границу. Он не простил того, что отравлен.

За разговором, незаметно, мы уже добрались до нужного места. Из вежливости я чуть поднял руки и приложил кулак к ладони:

– Я начну тренировку. Полагаюсь на тебя в охране.

Золак поднял руку, задерживая меня:

– Старший... Раз уж мы заговорили обо всём этом. Не хочу, чтобы одно из моих умений пропало зря. Прошу, старший, примите этот скромный подарок.

Я взял протянутый мне свиток, ставшим привычным за последние дни движением раскатал ткань.

Вуаль ветра.

Техника сокрытия.

Ранг: Человеческий, Качество: высокое, Созвездие: первое, Стихия: Воздух.

Условие: Открытый узел Тау-Ча-Ди... (шесть узлов).

Обращение к Небу...

Вливаемая в технику сила Неба окутывает идущего вуалью ветра, которая заглушает все звуки, что он издаёт.

Начальное освоение: вуаль окутывает только кожу идущего, скрывая дыхание идущего, но не его шаги и шорох одежды.

Мастерское освоение: вуаль окутывает одежду идущего, скрывая её шорохи и звук шагов.

Совершенное освоение: вуаль отходит на палец от одежды идущего, скрывая даже крик.

– Это скромная техника первого созвездия. Но Зотар скоро познает в совершенстве ещё второе созвездие и будет рад создать для вас свиток. К тому же на той стороне, во Втором, ему известно, где лежит свиток третьего созвездия... и оно уже сравнимо с земным рангом.

Я позволил свитку скататься. Золак всё ещё не доверяет мне, раз придумал этот трюк с техникой? Станный трюк на самом деле. И техника не настолько хороша, чтобы всерьёз

заинтересоваться ей. И ранг её низковат. Земной? Даже в Первом я обладаю такими техниками, что уж говорить о богатствах Второго, которые ждут меня. Простой и дешёвый амулет Тигров полностью заменял эту Вуаль, позволяя мне не задумываться о нужде в подобном или возне с Умножением и остыванием меридианов. Да я даже Смарагдовый Ящер редко использовал. Но... Я понимал Золака. Он беспокоится о внуке. Свиток отправился в кисет, а я сложил у пояса руки в приветствии.

– Благодарю за подарок, Золак. Вместе с Зотаром мы обязательно выучим и третье созвездие.

– Спасибо, старший, за такие тёплые слова.

Золак, как всегда, остался под раскидистой Сономой, а я ушёл на поляну с камнем. Привычно прошёлся по всем Формам, позволяя потокам духовной энергии омыть всё тело. Едва она вернулась в средоточие, как всю её влил в три меридиана. Сегодня энергия двинется к последнему узлу тремя дорогами. Четырьмя. Я наполнил ещё и тело туманом силы, который тоже устремился к бездонному узлу в голове. Уже давно открылись те, что я начал наполнять силой позже, а этот всё не сдаётся, поглощая всё, что я только ни отправляю в него. Один узел отделяет меня от десятой звезды. Но кажется, настоящее название этого узла не Тау-Ча-Крон, а Бездна.

Только когда средоточие практически опустело, я коснулся кисета и в ладонях оказалось по шесть монет. Правая рука медленно и с трудом поднималась, повреждённые мышцы не хотели работать, но я уже привык. Мне главное поднять до середины пути, а к боли от нечётко выполненной Формы я уже привык. Первый круг, второй, третий, равновесие. Я давно не задумывался над всем этим, энергия в меридианах словно сама знала, что ей делать. Сколько этих Круговоротов за спиной? Сотня? Не меньше.

Миновало всего две недели с последнего открытия Врат. Сегодня ещё не самый бедный на энергию Неба день. Она послушно вливалась в меня нитями, рвалась в тело, куда её засасывали три круга Круговорота, наполняла меня силой Неба. И болью. К которой мне не привыкать. Шесть монет – это далеко до моего предела, ни к чему пугать родных окровавленной одеждой, иначе не избежать выговора от мамы.

Энергия рвалась к последнему триста пятому узлу по меридианам, сталкиваясь на пересечениях вихрями, ползла густым туманом силы к голове, всасываясь там в бездонный узел. Раньше бы я спешил, злился, рвался ускорить Круговорот и втянуть в себя ещё больше силы. Но это давно позади. Сейчас я спокойно и безостановочно вливал в узел энергию Первого пояса, Второго и монет, считая про себя вдохи.

В голове вдруг словно что-то лопнуло. Меня ожгла резкая боль, будто в лоб вбили клинок или Лезвие, разрубая голову. Вращение кругов Формы сбилось, когда я, рассыпав монеты, ухватился рукой за голову, стиснул её, крепко-крепко, словно пытаюсь сложить по месту раскола. Правая рука даже не дотянулась, я сдвинул с виска левую, царапая себя остатками монет и проверяя, нет ли на лбу раны. А потом боль ушла, оставив вместо себя омытый слезами мир. Мир, который я видел так ярко и чётко, как никогда раньше.

Десятая звезда.

Не веря, я обратился духовным взором внутрь себя, ища последний узел, который находился как раз в середине лба и на палец вглубь. Тау-Ча-Крон. Узел ярко горел в моём духовном зрении, явно более крупный, чем его соседи. Я сделал это. Пора двигаться дальше. На ту сторону.

Глава 1

– Добро пожаловать во Второй пояс. Поздравляю с возвращением на земли предков.

Слова звучали вежливо, повод для них значителен, но вот тон, которым их произнесли... Безразличный, даже скучающий. Как будто этот старший по десять раз на дню их произносит. Но последний переход с нашей стороны был давно, как раз в месяц моего приезда в Ясень. И я лично наблюдал, как всё это происходило, расположившись на третьем этаже «Двух поясов». Тогда я, конечно, не слышал слов, но сейчас скука в голосе встречающего меня лишь радовала. Всё должно получиться. Я склонился:

– Спасибо, старший. Для меня это огромная честь.

– Самая сильная фракция Пояса – это клан Гарой. Моё имя Лир Гарой. Ты понимаешь, что это означает?

Я согнулся в новом поклоне, так что видел лишь полы сине-чёрного халата и сапоги Лира:

– Что вы из этого могучего клана, старший.

– И я вижу, что ты талант. Не припомню идущих твоего возраста. Обычно переходящие хотя бы на пару лет старше. Лучшие должны присоединяться к лучшим. Согласен?

Я сглотнул, глядя на спокойное лицо Лира, опустил глаза на вышитый белыми нитями на его груди мост, нерешительно произнёс:

– Старший... Я не смею обманывать столь могущественный клан. Я не талант, мне лишь выпал счастливый случай, который позволил прорваться на десятую звезду.

– Интересно. Прошлый Мастер расхваливал себя как мог, а ты... Впервые сталкиваюсь с такой честностью.

Меня обдало жаром, хотелось сорваться с места, чтобы избежать неминуемого удара. Я почти чувствовал, как шею рассекает безжалостная сталь. Но я ждал этого, готовился и не сдвинулся с места. Надеюсь, и лицо осталось бесстрастным, со всё той же подобострастной улыбкой. Бездарь не может обладать боевой медитацией.

Но вот обрушившуюся на плечи тяжесть я не заметить не мог. Испуганно прохрипел:

– Старший?!

Вместо ответа Лир взмахнул рукой:

– Крам!

– Здесь, господин!

– Насколько силен вот этот?

Подскочивший человек, одетый в такой же сине-чёрный, но без вышивки халат, всматривался в меня несколько вдохов, его ответ прозвучал неуверенно:

– Впервые такое вижу, господин. Он ничуть не опасней человека, что только создал средоточие.

Так и есть. Надо мной висят Указы. Один из них запрещает мне пользоваться всеми боевыми техниками. Исключение сделано лишь для первого созвездия Лезвия, Опоры, Покрова и лечебных техник. Ещё один Указ запрещает даже взяться за меч или копье. Как я могу быть опасным противником?

Причём я довольно спокоен за свой план. Если в этом Поясе не любят таких, как я, мастеров Указов, то и вообще с мастерами Указов должны держаться настороже. Да и вряд ли таких ценных людей будут держать в крепостях перехода ради одного дня в месяц. Но даже если он здесь и найдётся, то в Указе запрета на техники нет ничего, что выдало бы меня. Отговорюсь капризом старого господина, который хотел, чтобы я только и делал, что лечил. А стоит мне увидеть здесь мастера Указов, как я сотру лишнее и в остальных своих Указах. Не зря же я так вычурно вписывал в них условия запретов? Без нескольких слов смысл поменяется полностью и лишь подтвердит мой вымысел.

Лир скривился:

– Рассказывай, как так вышло.

– Я родом из Ста Мостов.

Придумав план, я выбрал эти земли потому, что жившим там нет никакой нужды переться в Шепчущий через Орден. С ним они не ладят, да и путь слишком далёк. У Ста Мостов есть другой сосед, на землях которого своя крепость перехода. Здесь вряд ли найдётся тот, кто сможет уличить меня во лжи.

– Глава семьи... – я замялся, словно не желал называть имя, – взял меня в ученики старому лекарю, – искоса взглянув на Лира, с жаром продолжил. – Я служил верно! Делал всё, что мне говорили, смешивал все эти...

Голос Лира подстегнул:

– Ближе к делу.

– Простите, старший, – я поклонился ещё раз, пряча глаза. – Однажды глава семьи что-то не поделил с соседями и на поместье напали. Я помогал бежать молодому главе и... и остальным. Но в конце концов выжил только я один, – на миг я вскинул голову. – Я узнавал! Глава погиб. Госпожа... все старшие дети тоже.

Лир потёр лоб, спросил:

– Раз ты здесь, ты что, сбежал вместе с богатством семьи?

Я отвёл дёрнувшуюся руку от кисета на поясе.

– Все хозяева погибли, понимаете... погибли. Их нет больше.

– А кого ты тогда привёл с собой?

– Это моя семья. И парень, что заплатил мне. Мне... мне не хватало на переход родных.

– Семья, которой ты служил, была бедна?

– Она была и не богатой, и не бедной, старший.

– Ты мало украл?

– Я не крал, старший! – я осёкся, опустил глаза и глухо буркнул. – Мой талант плох, учитель всегда ругал меня и старшего господина... Я потратил на зелья больше, чем следовало.

– Выходит, ты не сумел спасти своего господина, так потом ещё и продал все его сокровища?

– Да, старший.

Лир шагнул ко мне, вплепил такую пощёчину, что я рухнул ему под ноги. Испуганно вскрикнули тётя Ралио и Мара. У меня самого перехватило дыхание от неожиданности. Я ощущал себя сейчас слабым и беспомощным. Никчёмным. Опасность не обдавала жаром, но это не мешало сердцу колотиться в груди. Лир презрительно процедил, возвышаясь надо мной:

– Такие, как ты, точно не нужны моему клану. Если ты от меня что-то скрываешь, то моли Небо, потому что в таком случае я тебя убью.

Второй, тот, что Крам, быстро шагнул ближе к Лиру, склонился к его уху, но я услышал шёпот:

– Господин, Геор не упустит шанса обвинить вас. Какое дело вам до того, что за грязь поднимается из Первого?

– Эта грязь лезет на наши земли.

– Господин...

– Истину сюда.

Извиваясь под ногами Мастеров, я облегчённо выдохнул. Истина. Даже если она сильнее тех амулетов, с которыми я проверял задумку в Гряде, то должен справиться. Главное, что сюда не позвали мастера Указов. А амулет я научился обманывать, превратив в пыль почти десяток из запасов Равоя.

Спустя полсотни вдохов я сжимал треугольный амулет и затравленно глядел на Лира.

– Ты мог спасти молодого господина?

– Нет!

Амулет чуть нагрелся в ладони, не причинив мне вреда и не рассыпавшись, как изделия мастеров Ордена, а я с жаром продолжил:

– Старик вечно зажимал техники, называл бездарью. Раны молодого господина оказались слишком серьёзны. А я тогда знал только одну лечебную технику.

– Сколько знаешь сейчас?

– ...Три.

– Мусор, – презрительно выдохнул мне в лицо Лир, стискивая мою ладонь. Задал новый вопрос. – Что с твоей рукой?

– Защищал молодого господина.

Лир дёрнул губами, шепнул:

– Плохо защищал, – и громко объявил. – Верность – лучшая из добродетелей идущего. Мне неприятно видеть, что сегодня к нам попал подобный отброс. Моему клану он не нужен. Слушайте все. Этот младший клана Гарой просит пришедших сюда об одолжении. Этот младший не желает видеть на нём герба. Что вы скажете?

Сначала послышались нестройные ответы:

– Хорошо, старший Лир.

А затем прозвучал насмешливый вопрос:

– А что, если нет?

Я бросил быстрый взгляд в сторону. Говорил мужчина в ярко-белых одеждах, нагло улыбаясь.

Лир даже не обернулся:

– Крам, позаботься, чтобы все наши союзники знали, что он ни к чему не годный отброс из Первого.

Я глубоко поклонился:

– Благодарю старшего за снисходительность.

Лир ещё раз оглядел меня, окружённых стражниками моих родных, скользнув взглядом по нашей одежде и поясам. Я догадывался, что он там ищет. Кисет на поясе у меня и у Мары, за спиной дяди Ди висел мешок Путника. Лир протянул руку:

– Дай сюда кисет.

Ни разу никто из тех, кого я расспрашивал в Ясене, не говорил мне, что перешедших на ту сторону обыскивают. Сколько у меня было кисетов? Старшего Тарсил, старейшин теневигов, Мадов, Тигров, Киртано, Ария, Пратия, Угриоста. Почти всё, что лежало в них, я с помощью Ирама обратил в деньги, добавил к тем, что собрал по кисетам и в лагере Ордена, получил за работу от Ирала и Равоя. Большая часть ушла на оплату перехода через Врата, но и вещей, которые я не мог и не хотел продать, оставалось немало. Тот же Флаг Призрака или Цикад. Никто, даже Золак не рассказывал, что кто-то будет обыскивать перешедших. Впрочем... мало ли что происходило дальше, за стенами крепости Врат?

Крам снова шепнул:

– Господин, на вас смотрят.

Но Лир не опустил руки. И я протянул ему кисет. Тот, который когда-то принадлежал старейшине Мадов: тёмного атласа. Виски кольнуло резкой болью, когда Лир спрятал кисет в ладонях. Я не видел, чтобы он капал на него кровью, но через несколько вдохов его губы презрительно скривились:

– И впрямь, продал всё, что сумел украсть у благодетелей.

Поймать кисет я не успел, брошенный рукой Мастера, он свистнул в воздухе, влетел мне в грудь и заставил сделать шаг назад, так силен оказался удар почти невесомой вещью. Интересно, каково Возвышение Лира? Думаю, через пару дней я уже это узнаю.

Сейчас моя способность оценивать силу людей подводит меня. Так же, как в день моего проникновения в Гряду. Тогда я понизил своё Возвышение, и взгляд даже несильного Воина придавливал меня к земле. Сейчас Возвышение со мной, но не осталось возможностей сражаться. А моя способность очень зависит от моей мощи. Когда в руках сжат Пронзатель, и я стою напротив Тортуса – это одно. А когда я связан по рукам и ногам и лежу под ногами у Пратия – это другое. И снимать с себя эти путы сейчас не время.

Пока лишь радовался тому, что в последний момент передумал помещать в кисет на поясе простой Флаг призрака. Сначала хотел перестраховаться, если в этой крепости будет формация или массив, которые могут обнаружить моего Призрака, вернее, его Флаг. Но передумал. Решил довериться тем, кто говорил, что, по сути, большой разницы между Флагами нет. Ведь даже в лагере Ордена, где использовались знания Древних, не нашлось ничего подобного для их обнаружения. Выходило – поступил верно.

Как не ошибся и со своим представлением. Возможно, я слишком наслушался рассказней Мириота, но и Равой во многом подтвердил все его слова. Почти никто из ушедших во Второй пояс не подавал о себе вестей. Я не раз представлял, как они приходили сюда, в крепость Врат. Вспоминал себя после границы Нулевого. Талант, который исполнил мечту предков и вырвался из тюрьмы. И поэтому решил действовать полностью противоположно. Они были таланты? Я представляю тем, кто случайно урвал шанс. Они прошли сотни схваток? Я стану мальчишкой, которому не доверяли даже перетирать травы. Другие приходили одни или с равными соратниками – у меня целая семья слабосилков.

И это тоже причина, по которой я забрал с собой старика и старуху. Только обратная. Надеяться, что в одиночку, пусть даже и с деньгами, две Закалки долго протянут в Ясене? Нет. В это я не верил. Особенно после встречи с Мириотом. Ясень добр только к тем, у кого есть сила. К западной стене крепости жмутся трущобы. В них живут сплошь Закалки, которым не нашлось места внутри стен. Не сомневаюсь, что рано или поздно старики оказались бы там. Это в лучшем случае.

Нет, такой судьбы для них я допустить не мог, каким бы вздорным ни был старик. Поэтому я и забрал их с собой. А ещё надеясь, что во Втором поясе сила Неба прибавит им несколько лет жизни. Но пока что, я не заметил, чтобы концентрация энергии здесь поражала меня. Да, явно выше, но разницы, которую я помню при переходе из Нулевого в Первый, не ощущаю. Выше, чем в Ясене на той стороне, гораздо выше, чем в Гряде. Но... Совсем не идёт в сравнение с предгорьями Братьев и тем более Миражным. Я бы сказал, похоже на середину пути между болотом и лагерем Ордена. Неожиданно.

Кстати, и про слабосилков со мной не совсем правда. Но Зотар идёт отдельным счётом, как оплативший переход моих родных. Хотя не думаю, что седьмая звезда Воина привлечёт много внимания.

Сквозь цепь стражи проскользнул Крам. Протянул мне чёрный шар и сухо приказал:

– Опусть ладонь. Ну?

Я знал, что передо мной. Та самая штука, из-за которой Тразад не принял моего предложения, а Золак остался в Первом. Секрет чёрного нефрита принадлежит семье Гарой. Облизал губы и спросил:

– Что это, старший?

– Не бойся. Нефрит всего лишь сравнит твою духовную силу с теми преступниками, отпечатки которых в него помещены.

Я несмело кивнул. Ни у кого из поднявшихся во Второй нет способа избежать этого шара. Коснулся холодной гладкой поверхности. На несколько вдохов ощутил странное движение энергии, будто камень начал высасывать меня. Сила сама потянулась из средоточия по меридианам безо всякого моего участия. Но едва коснулась шара, как всё прекратилось. Крам сухо сообщил:

– Ты всё. Теперь остальные.

– Благодарю, старший, за вашу защиту.

Крам поморщился и отвернулся. Пускай. Может, я неправ, обманывая его вместе с его господином, но я свой выбор сделал. Верность, может, и лучшая добродетель для идущего, но где для Лира её границы? Насколько я должен был бы стать верен его клану?

– Как ты запишешь тех, кто пришёл с тобой?

И это мне известно из записей Равоя и слов старика Золака, но я снова согнул непослушную спину в поклоне. Лучше услышать объяснение здесь.

– Простите, старший?

– Мастер... – Крам оглядел меня, сморщился. – Мастер здесь только ты. Всем этим людям купил проход тоже ты. Только от тебя сейчас зависит, кем они будут внесены в налоговые списки. Семья, слуги, вольные. Если, конечно, у нас не найдётся старых записей о них.

Записи о Тразадо у них, конечно, были. Они попали в Первый через Ясень, хотя здесь неважно какие Врата: клан Гарой владеет чёрным нефритом во всех. Так что в этом шаре есть и запись о старике Золаке. А вот Зотар родился в Первом.

Под лопатку кольнуло. Оглянувшись, заметил прищуренный взгляд Зотара. Бойтся, что нарушу обещание? Зря. Я повёл пальцем, очерчивая круг:

– Моя семья, – теперь я указывал на Зотара. – Вольный.

Все по очереди подходили к шару, опускали на него ладонь. За стариков подняла их руки мама. Наконец Крам махнул, разрешая нам двигаться дальше. Я по-прежнему шёл впереди, оглядываясь по сторонам. Возникало ощущение, что стены Врат в Первом и здесь возвели одни и те же руки. Точь-в-точь такой же камень, те же лестницы наверх и навесы. Под ними, наверное, и сидели за столами все Воины в ожидании тех, кто перейдёт границу...

Я сбился с мысли. Нужно отвыкать от того, что Воины – вершина Возвышения. Вокруг меня Мастера. Даже если самый слабый из встречающих так же, как и я – первой звезды, то они всё равно могут оказаться сильнее меня. Жаль, что сейчас, с запретами на техники не получается верно оценивать силу окружающих. Для меня они все бездонные озёра с мутной водой. Точно такие же, какими выглядели и Воины на той стороне границы. Я не вижу дна. И нет большой разницы сколько до него – локоть или два роста. Утонуть беспомощному хватит.

Так что сейчас я шагал мимо Мастеров. Привык, что в Ордене по цвету одежды можно было сразу понять, кто перед тобой. Но здесь всё не так. Лир одет в чёрный халат с синими узорами и вставками. Точь-в-точь, как и Крам, называвший его господином. Всё различие между первым и вторым в вышивке на груди. Все остальные одеты по большей части в разные цвета. Лишь ещё две группы людей, явно принадлежавшие к одним фракциям, одеты однотонно. Я не улавливал никакого смысла в их цветах. Это не ранги, но и не всегда фракции, потому что одинаково одетые люди иногда стояли слишком далеко друг от друга.

Пока я уверенно определял лишь простых стражников, что облачены в одинаковые доспехи. Их здесь большинство. Они окружили нас после перехода, стояли на стенах и на выходе из них. Но проход открывал Лир Гарой, а все те, кто без доспехов, выстроились, словно создав коридор, по которому нам нужно пройти к воротам. И чем дальше от границы, тем... Я задумался, пытаюсь уловить то, чем эти люди неуловимо отличались. Богатство? Я мало в этом понимаю, весь опыт ограничивается покупкой платьев для мамы и Лейлы в Нулевом, одежды для молодого господина, когда у меня появились деньги в Гряде и недель притворства попечителем Ордена.

Но мне казалось, что я уловил суть. Что-то общее в покрое одежды, её отделке, качестве ножен на поясах стоящих. Жаль, что я не могу точно определить силу тех, кто провожает меня взглядами. Кажется, что в начале, у Врат стоят сильные фракции, а чем дальше, тем слабее. Да их здесь и всего семь или восемь.

Кто-то даже не глядел на меня, кто-то презрительно улыбался в ответ на мои поклоны, которые я отвешивал возле каждой группы людей. Но никто не пытался даже заговорить.

Строя план, я рассчитывал, что самая сильная фракция от меня откажется. В более слабой и мне было бы легче скрывать свой талант мастера Указов. А в случае чего и бежать от них. Повторять судьбу Тортуса или основателя Волков я не намеревался. Но выходило так, что моя история слишком уж задела Лира. Настолько, что я испугался и готов был в любой момент признаться в обмане. Обошлось. Зато теперь со мной никто не хотел связываться. Даже тот, в белых одеждах, что стоял вторым после Лира и пытался его задирать. Пустослов.

Последний, мимо кого я проходил, мужчина в возрасте и в серых, со стальным оттенком одеждах, устало вздохнул:

– Вот уж радости наставлять отбросы. Домар, займись, – замолчав, мужчина вскинул над плечом руку и растопырил пятерню.

Поднялся сидевший в тени у ворот стражник:

– Слушаюсь, дядя.

Вздых я сдержал. Жаль. Уже уверился, что удастся невозможное и я выйду из крепости без обязательств. Кто же те, кто решился пойти против самой сильной фракции Пояса, и почему они стоят в самом конце?

Я ещё раз оглядел идущего к нам стражника. Он назвал отдавшего приказ дядей, но сам такого же возраста. Да и одет в обычную броню. Точь-в-точь как все остальные стражники, а не в цветастые одежды. Значит, скорее всего именовал его по старшинству, как младшие ватажники обращались к старшим...

– Слушайте внимательно. Два раза повторять не собираюсь. Старший нашей семьи и так оказывает вам милость, хотя мог бы просто выкинуть в город, а потом и из него, словно слепых щенков.

Замолчав, стражник, которого называли Домаром, подозрительно спросил:

– Почему старики без памяти?

Удивительно, что этот вопрос он задал первым из всех, кто остался позади. Лиру и Краму было плевать на двух Закалок. В этот раз я ответил правду:

– Не хотели сюда идти. Мы не ладим.

– Хм-м, – Домар ещё раз внимательно оглядел всех нас, непонятно что ища на лицах. – Вы на землях фракции Звениящий Ручей во главе с семьёй Саул. И раз от вас отказались все остальные фракции, то Саул придётся рассказать вам хоть что-то о землях, куда вы ступили. Столица земель нашей семьи Саул – это город Парчовые Небеса, – заметив мой взгляд, Домар пояснил. – У нас отличные ткани, мы столетиями славимся парчой. Весь клан Гарой покупает её только у нас. Что вам проще всего будет запомнить, так это то, что город, в котором вы находитесь, называется Ясень.

На это я лишь кивнул. Справедливо, что город, разделённый на две части, называет тот, кто сильнее и от кого зависит всё. Знаю, что здешний Ясень так же велик, как Ясень Первого пояса, но вот людей в нём гораздо меньше. На крышу трактира я тоже поднимался, немало заплатив за эту услугу и долго вглядывался сквозь мутные полотнища формации.

Домар ещё раз оглядел нас всех, кивнул и махнул рукой:

– Следуйте за мной.

Первым делом, едва оказавшись за воротами, я снял с Лейлы Указ ограничения. Пусть на ней амулет защиты, но мне будет гораздо спокойней, если она станет быстра и вынослива как прежде. А вот мои снимать ещё рано, не тогда, когда бок о бок со мной идёт стражник. Может, и вовсе не в первые дни.

Домар шагал впереди, позади нас пристроился ещё один из стражников. Домар почти не оглядывался, но вот говорил не останавливаясь. Ясень совсем мелкий городок фракции. Большая часть жителей – это стражники Звениящего Ручья. Меньшая – переселенцы из Пер-

вого. Город живёт добычей Зверей и небесных трав. Вернее, жил раньше. Сейчас от прежних жителей осталась едва десятая часть.

Слушая, я глупо улыбался. Всё это очень напоминало мне то, что случилось после выпуска из Школы, когда я шёл следом за толстяком Плавом. Смутно знакомые улицы вокруг, новая жизнь впереди и человек, который сообщает, как мы должны себя вести в этой жизни. Вот только я пока не услышал главное:

Дождавшись, когда Домар всё же обернётся, спросил:

– Старший, как называется низший ранг Мастеров, что вам служат? Кем я теперь считаюсь среди вас?

– Что? – Домар нахмурился, навис надо мной. – С чего бы дяде Аймару идти поперёк старшего Лира и брать тебя в семью?

Сердце заколотилось, на этот раз от радости. Незаметно сделал глубокий вдох, успокаивая его. Получилось. Гораздо лучше, чем мог ожидать, строя свой план. Значит, я не нужен ни одной фракции. Очень удачно моя выдуманная история совпала с характером Лира. Будь на его месте кто угодно другой, тот же Тортус или Равой, и моя история лишь заставила бы их отказаться от меня в своей фракции. А Лира задело за живое, и я теперь свободный человек и должен лишь деньги. Конечно, старший из Звениящего Ручья в сером халате явно поднял цену, показав Домару пять пальцев, теперь я понял его жест. Но у меня большая семья, глупо было надеяться, что всё ограничится двумя сотнями монет, как звучало в байке Шелеоста и в рассказе Золака.

Две сотни монет – это не так много. Даже если сейчас они превратились в пять. Я поморщился. Пусть подавятся. Тем более что в кисете до сих пор лежит восемнадцать целых монет. Сначала за мной явно будут приглядывать, придётся лечить раны у тех, кто вернулся в город из лесов. Но через месяц-два обо мне забудут, я к тому времени уже буду понимать куда можно идти, а куда рано, начну сам ходить за добычей. Как всегда – один. А там уже можно будет и переехать, раз здесь почти никто не живет, то и держать не станут.

Пустые, словно вымершие улицы привели нас к большому поместью. За спиной заскрипели ворота. Я недовольно оглянулся через плечо. Куча бездельников, которые не следят за ними. Сами же толкают створки, надрываются. Ни в одном поместье Гряды не видел, чтобы слуги так запускали...

Я замер, наконец поняв, что вижу. Ворота, которые очень редко запираются, сейчас толкают четверо... Кто? Воины, Мастера? Да их тут... Пять, десять, пятнадцать человек. Ещё по пять в беседках впереди справа и слева от дорожки. При нужде через вдох они уже будут рядом. Какого дарса происходит?

Я повернулся, выдохнул:

– Старший?

Домар глядел на меня, сложив руки за спиной. Лицо его сейчас неуловимо изменилось, словно по улице нас вёл другой человек.

– Ты спросил, кем ты теперь считаешься.

– Но вы ответили, что я не нужен Саул.

– Не нужен в семье, ведь только вошедшим в неё даётся чин, – я выругался про себя. Как я мог забыть, что здесь не Орден. Не иначе от радости отбило весь ум. Домару не было дела до моих переживаний. – Ты, никчёмный отброс – совсем другое дело. Семья Саул на пять лет берёт тебя в слуги. Даст кров, еду, покровительство...

– Стойте!

Домар склонил голову на один бок, напоминая сейчас птицу:

– Ты чем-то недоволен?

– Чего ради я должен стать вашим слугой?

Плечо ожгло теплом, а затем на него рухнуло древко копья. Я выстоял, но через мгновение ударили по ногам, и я упал на колени. Меня ухватили за волосы, вывернули голову и рывкнули в ухо:

– Как ты разговариваешь со старшим?!

Этот вопль заглушил крик мамы и Рата, заставил мир закружиться и потемнеть. Я сжал кулаки. Жаль, что в руке нет ножа. Сейчас бы вцепиться в его лезвие ладонью, чтобы боль отрезвила. Мои же Указы наказали меня за попытку поднять руку и всадить Шип в горло наглого крикуна, заставив мир кружиться от боли. Я едва не использовал свои техники.

Нельзя. Я пришёл в себя, успокоился, скосил глаза направо и налево, мои волосы стражник и не подумал отпускать. Двадцать пять человек неизвестной мне силы. Я уже стёр бы с себя все запреты, если бы здесь стояло меньше стражи. Но я не могу этого сделать. Со мной родные. Мама и Лейла может и успеют броситься в сторону, когда здесь начнут использовать техники, но остальные... Такое уже было в моей жизни. Этого не повторится. Дарсов Шелеост. Что ещё за слуги? Или же виноват я сам?

Стражник ещё сильнее вывернул мне голову:

– Ну! У тебя язык отсох?

– Прошу простить меня, старший.

Домар медленно кивнул:

– Прощаю. Хочешь знать, почему ты должен стать слугой?

– Да, старший.

– Потому что ты всю жизнь был слугой, – я ещё раз в мыслях выругался. Всё же виновата моя история. – Ты слаб и ничтожен. Ты называешь нас старшими, хотя сам десятка, а не все из моих стражников так сильны.

Я вскинул голову, не обращая внимания на боль. Что? Они Воины? Нет, не может быть, он говорил про...

– Но ты называешь меня старшим, потому что за мной сила.

– Да, за вами стражники... – казалось, сейчас с головы сейчас сдерут кожу, – старший.

– Это всего лишь дополнительные руки. Я мог бы обойтись и без них, своими силами, ведь я настоящий Мастер, а не подделка, как ты. Ты всего лишь никчёмный слуга, которому господин доверил тайну Умножения. Я гляжу на тебя и твоих родных, – Домар ещё сильнее наклонил голову. – Знаешь, что я вижу?

– Нет, старший.

Болтай дальше. Чем ты собираешься удержать меня? Контрактами? Смешно. Стоит мне только немного освоиться здесь, и я сбегу вместе с семьёй. Сбежал бы уже завтра, не будь со мной толпы родичей. Дарсов план, по которому я должен выглядеть слабаком с кучей Закалок, которых нужно ещё устраивать и кормить. Да, я стал неинтересен сильнейшим фракциям, но и оказаться слугой совсем не рассчитывал. Нужно было ограничиться мамой и Лейлой. Уверен, при осторожности мы могли бы пройти краем леса куда угодно. А первый же сильный Зверь стал бы охранником Лейлы. Но с Закалками я не рискну сунуться дальше стен Ясеня. Ладно, Домар, унижай меня. Указы двух стражников уже стали моими, осталось лишь затереть их и внести моё имя, когда на третьем я ощутил знакомое сопротивление. Амулет. И этот самый стражник держит меня за волосы. Тварь. Сейчас я его...

Эта мысль неожиданно вернула мне разум и спокойствие. Я с силой выдохнул, окончательно приходя в себя. Куда я спешу? К чему всё решать здесь и сейчас? Саул хотят такого слугу, как я? Зря. Они ещё не знают, каким я могу быть злопамятным.

Домар засмеялся:

– А я вижу по твоим глазам, что ты всё понял и смирился. Я вижу перед собой слабаков. Удивительно, но твоя мать едва ли не опаснее тебя. Позор. Думаешь, я не знаю, как называют

тех, кто стал десяткой и выучился Умножению? Прикоснувшиеся к Мастеру Духовной Силы. Смешно. К чему ты прикоснулся? В тебе этого самого духа не хватит и на мышь.

Болтай дальше, птицеголовый Домар. Смейся. Хохочи во всё горло. Надеюсь, именно ты будешь отвечать за слуг, которые сбегут.

– Контракт сюда. Тот, особый. С довеском.

С пояса сорвали кисет, с дяди Ди мешок Путника, Мару не вижу, голова вывернута в другую сторону, но и у неё наверняка отобрали. Тех, кто заглянет в её кисет, ждёт подарок. Сколько там может найтись вещей у двух стариков из Нулевого? Смешно будет, если там окажется ещё один набор кузнеца. Это всё ничего не значит. Главное богатство нашей семьи им не достанется. Я стоял на коленях и отчётливо ощущал, как давит на голень пришитый к штанине кисет.

Теперь возле меня стояли уже два стражника, второй приставил меч к горлу. Надавил сверх меры, надеясь, что буду выворачивать голову через боль от злой стали. Я лишь скосил глаза. Иди к дарсу. Не подумая делать так, как тебе хочется.

Клинок оказался наточен на совесть. Боли я не почувствовал, ощутил, как по шее побежала тёплая струйка. Сейчас я жалел лишь о том, что не вижу лиц этих двоих. Ничего, им придётся меня отпустить и тогда мне останется лишь хорошо их запомнить.

Родных согнали в сторону, к одной из беседок. Стражник ухватился за простой мешок Зотара. Сорвал, со смехом что-то сказал.

Это заставило меня сцепить зубы. Слишком увлёкся, показывая свою никчёмность. Переиграть? Снять Указы, объяснить, что притворялся? Показать, что обманул всех проверяющих и проверку на амулете Истины? Отличная идея. Особенно когда я внезапно превращусь из слабого в опасного противника, да ещё и знающего, как Саул встречают гостей за стенами своего поместья. Возле Врат даже проверить у меня кисет считалось недостойным, а Домар на пустых улицах был приветлив и двуличен. Это неспроста. Признаваться нельзя. Им может оказаться проще убить меня, чем позволить другим узнать о гостеприимстве Саул.

– Парень, если думаешь, будто у меня рука дрогнет, то ошибаешься. Ещё раз так рванёшься и я тебе горло вскрою.

Эти слова заставили меня замереть. Об этом я не подумал, даже когда потекла кровь. Что это за клинок, так запросто ранивший меня с идеальной закалкой тела? Начертание? Чем ещё меня могут удивить эти стражники? Пусть они и не Мастера, но вокруг всё же Второй пояс.

Домар помешал раздумьям, стражник услужливо вывернул мою голову, чтобы я мог его увидеть. Тот помахал передо мной свитком, затем опустил, вкладывая мне его в левую руку.

– Отправь в него свою силу.

– Я не вижу, что в нём написано.

Уха коснулся жар чужого дыхания:

– Тебе зачем это, отброс? Не все слуги умеют читать. Делай, что сказал старший.

– Я умею читать.

Домар снова наклонил голову набок, к плечу, усмехнулся и приказал:

– Дай ему взглянуть.

Меч перестал вшиваться в шею, рука стражника вывернула голову теперь вниз окончательно. И я увидел свиток. Дорого здесь обходятся слуги, добравшиеся до десятой звезды. Основа из полированного зелёного камня. Потянув край, я развернул гладкую ткань.

Контракт души.

Клянусь Домару отслужить на благо семьи Саул пять лет. Клянусь быть верным Саул, не помышлять против Саул, не сообщать чужим ничего о Саул, беречь имущество Саул как своё, не жалея жизни. Клянусь выполнять все приказы семьи Саул. Запрещено рассказывать о контракте, запрещено бежать...

Я отпустил край, свиток скатался, скрывая от меня мою судьбу. А я оценил то, что прочитал:

– Больше похоже на рабство. Ещё немного и я буду похож на Призрака сектантов.

Домар согласился:

– В чём-то ты прав. Но всего-то пять лет. Неужели хочешь отказаться?

– Конечно хочу. Другое дело, чем обернётся отказ, старший.

– Я прикажу не сдерживать меч.

– Со мной ясно. А что с моей семьёй? Им тоже достанутся контракты?

– Конечно. Но проще и всего на два года. Это ведь ты у нас почти Мастер, верно? С тебя и работа другая.

– Верно, – я улыбнулся, глядя на контракт, – они не мастера.

Отправил духовную энергию в свиток. Сначала почернела основа, затем и ткань, чёрные строки исчезли, слившись с полотном. Меч на миг отпрянул от шеи, коснулся ткани, оставляя на ней кровавый след. Через миг кровь стала бледнеть, исчезая. Одновременно с этим начало пустеть моё средоточие. Свиток словно выпивал из меня энергию, жадно втягивая её в себя, а я даже не мог его отбросить: он будто прилип к рукам. Два, три, пять вдохов и средоточие показало дно, оставив горящие болью меридианы, кровь полностью исчезла, но взамен ярко проявились кровавые надписи на ткани. Вспыхнули, исчезли, затем и сам свиток исчез, сжался в луч, который ударил меня выше опустевшего средоточия, едва ли не в сердце и пропал, оставив в моём теле неприятное ощущение посторонней вещи.

А затем моей шеи коснулось что-то холодное. Я дёрнулся, забыв о мече, ухватил какую-то цепочку, рванул её. И не сумел сорвать. Через мгновение меня пнули в спину, сбили с ног. Сверху обрушились удары древков и сапог.

– Довольно.

Стражники тут же сделали шаг назад, мгновение я глядел на спокойного Домара, а затем бросил в него свой дух. Птицеголовая тварь, я заставляю тебя корчиться рядом с собой. И ничего не произошло. Я раз за разом представлял, как наполняю его Указы своим духом, но не мог их даже коснуться. Не ощущал их. Через вдох я обратился к тому стражнику, что держал меч у моего горла. Его Указы, которые только что я ощущал и намеревался сломать, тоже не заметили моих усилий. Уже понимая, что произошло, я попробовал тронуть те Указы, которые уже сделал своими. Тщетно. Холодея от того, что оказался в дарсовой заднице, коснулся тех, что висели на мне. Не просто наполненные моей силой, а созданные мной от начала и до конца.

Ничего.

Словно я бездарь, который и не слышал об Указах.

Твари.

Домар по-птичьи клонул головой, кивая:

– Хорошо. Пусть ты и слуга, предавший предыдущего господина, но в тебе есть одна черта, которая мне нравится. Ты умён.

За спиной фыркнул стражник.

– Поверь, Кирт, так оно и есть.

Кирт. Я выжег в памяти это имя. Добавил вторым после имени Домара. А он стоял в трёх шагах от меня. Спокойное лицо, едва заметная улыбка, чуть склонённая к плечу голова. Скольких пришедших во Второй он заставлял подписать такие контракты? Я ошибся с историей основателя Волков. Скорее всего, он был немолод и не считался талантом. Не этой ли семье Саул он достался? И если о контракте запрещено говорить, то не находятся ли эти контракты вне закона? Какое к дарсу гостеприимство?

Дарсов Золак... Нет, Золака я как раз могу простить. Его изгнали десятки лет назад через другие Врата. Могу простить и Равоя, ведь даже в самом Ясене, в его половине Первого пояса не было ни единого слуха о такой встрече. Но Шелеост. Старик-мудрец, который повидал

жизнь во Втором и пришёл в Гряду совсем недавно и через Ясень. Почему он даже не намекнул о таком? Почему он только травил байки о молодом идущем, которому всё легко давалось в новых землях, о том, как легко тот отработал две сотни монет первого налога? Зря я не использовал свои таланты на всю. Мне нужно было наложить на Шелеоста Истину. Я переживал, что этим убью его в момент конфликта с трёхцветной печатью вилорцев. Дарсов придурок.

Домар засмеялся:

– Ты видишь его спину, Кирт, а я лицо. Я вижу, как он всё понял, на миг вспыхнул гневом, а затем смирил его. Он умён и будет отличным слугой. Пока... – помолчав, Домар улыбнулся. – Все остальные у Врат услышали то, что хотели услышать. Про слугу, что сбежал с казной. А я услышал, как слуга верно защищал господина. Ценой своего здоровья, а может быть и жизни. И будет делать так же, да, слуга?

– Прошлый хозяин, пусть и не всегда был справедлив, заслужил мою верность, вы же...

Дёрнул себя за «ошейник», окровавленные пальцы скользнули и сорвались.

– Похоже, я перехвалил тебя. Умный бы понял, что дерзость неуместна. Я, Домар Саул, приказываю тебе говорить правду.

Я снова схватился за тонкую цепь на шее. Но через мгновение опустил руки. Не здесь же, на виду у всех пытаться её порвать. К чему приведёт моё упрямство? Но как уверен в приказе птицеголовый Домар! Неужели контракт работает и так? Следующий вдох под внимательным взглядом Домара я натягивал на себя давно забытую маску послушания, а затем опустил глаза на камень мостовой. Да, это не мимолётная забава на дороге, которая не сулила ни капли опасности. Сейчас всё серьёзно и на весах лежит слишком много. В который раз. Чтобы я ещё раз притворялся слабым? Ни за что!

– Как тебя зовут?

– Леград.

– Слуга Леград, будешь ли ты защищать Саул ценой своей жизни?

Слишком много времени прошло с тех пор, как меня наказывали контракты. Да и случилось это, кажется, всего один раз: в сарае у толстяка Плава, когда я попытался перенести на бумагу технику Лезвия Духа. Что тогда я испытывал? Боль в голове? Я молчал одно мгновение, другое, а боли всё не было. Я едва не оскалился от радости, в последний миг догадавшись изобразить гримасу, схватиться за голову и прорычать:

– Буду.

Ещё немного подержавшись за голову, словно отходя от боли, рискнул бросить взгляд на Домара. Хорошо ли я изобразил боль? Этого ли он от меня ожидал? Домар улыбнулся:

– Вот видишь, Кирт, он будет хорошим слугой.

Я молчал, рассматривая тёсанные камни под ногами. Радуйся, птицеголовый. Пусть ваш ошейник и не даёт мне пользоваться талантом Указов, не даёт мне отменить свои же ограничения, но среди них есть одно заковыристое, которое разрешает мне лгать, даже держа руку на амулете Истины. Что мне твой приказ о правдивых ответах? Не вижу, что происходит с Указами и контрактом над моей головой, но не сомневаюсь: они сейчас полыхают символами. Только и ты, птицеголовый, этого не видишь. И не увидишь, пока не станет поздно.

– Слуга, приказываю тебе напасть на стражника слева.

Я скинулся, уставился на Домара, промедлил всего вдох, пытаюсь понять, чего он добивается, но на этот раз от условий контракта меня ничего не защищало. В макушку словно вбили штырь, который пробил голову насквозь, ушёл в грудь, коснулся странного и чужого шара в ней и тот вспыхнул, выжигая меня изнутри. Выбора не оставалось. До стражника всего шаг, но тело меня не слушалось, я не смог даже встать с колен, лишь беспомощно повалился ничком. Всё что сумел – выбросить в его сторону руку. И огонь внутри притух. Я тут же подтянулся, извиваясь на камнях, попробовал выбросить вперёд вторую руку. Я не могу умереть на

этих камнях. Рядом мама и Лейла. Рядом вся моя семья. Я должен выжить. Подтянулся ещё немного. Голос Домара прекратил мою муку:

– Остановись, слуга. Я доволен.

Я лежал, уронив голову на холодный камень. Он словно вытягивал из меня остатки боли, помогал мыслям собраться в одно целое. В одном я уверен: Домар умрёт. Не знаю к чему здесь привыкли местные. Может, такие унижения здесь в порядке вещей и через пять лет, расставаясь с хозяевами, слуги лишь улыбаются: «Ах, как жаль вас покидать, хозяин». Может быть, хотя и сомнительно. Но я знаю, что отныне я и Саул – враги. Когда избавлюсь от ошейника и контракта, я уничтожу их всех. Равой говорил, что добавление крови и силы на особый контракт словно добавляет ему твоё Возвышение. Такой контракт становился на одну или даже две звезды выше давшего кровь, складывая силы двух человек.

Пусть случилось худшее и контракт, высосавший моё немалое средоточие, стал контрактом Мастера третьей звезды. Я во Втором поясе. Сколько времени у меня займёт путь к третьей звезде? Год? Я потерплю год.

– Вставай, слуга. Или мне отдать приказ?

Руки дрожали, заставляя меня кривиться от злости. Слабак. Всего одно наказание и тело уже подвело? Где же идеальная закалка? Ему не хватает закалки болью и унижением? Забыл пески?

Но на птицеголового я взглянул с лёгкой заискивающей улыбкой.

– Господин?

– Уже лучше, – Домар махнул рукой. – Видишь вон у того стражника контракты? Подай их мне.

Я заставлял себя шагать, заставлял поднимать руки. Я сам подавал Домару контракты, которые делали из моих родных слуг его семьи. Домар думал, что я так спокоен из-за страха перед болью? Он ошибался. Я сгорал от ненависти к себе. Я так спокоен внешне, потому что знал, как Домар умрёт.

Глава 2

– Так.

В широкой открытой беседке сидел скрюченный и бородатый старикашка. Позади него поднималась из зелени сада красная крыша здания. Я предполагал, что того самого, где жили Саул. Не зря же нас провели через ворота во вторую часть поместья, где обычно жили хозяева. И слуги. Стражники выстроили нас перед этим старикашкой. А он внимательно оглядел и вслух посетовал:

– Так вот, что считает прибытком мой сын Домар: мальчишка, у которого есть только пустые звёзды.

– Отец.

Стражники расступились с пути Домара. Он в несколько шагов оказался внутри беседки рядом со старикашкой, бросил на столик перед ним наши кисеты, склонился к уху. Я сделал себя бесполезным в сражении, но Возвышение полностью со мной. Жаль, что всё равно слышал лишь обрывки фраз:

– Даже если... пустые, то звёздами они... не перестали... взгляни... талант...

– Ты же сказал, он, – жест старикашки не оставлял сомнений, про кого он говорит, – сжёг себе все меридианы.

– Какая им разница?

– Уверен?

– Даже если... то сколько лет... б... растить самим? Я увидел шанс, я... Считаешь, неправ?

Старикашка перевёл взгляд на меня:

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать... господин.

– Четырнадцать. Не могу поверить. Гарой должен был вцепиться в него зубами, уж их-то лекари хороши.

– Да он даже не сумел увидеть его силы. Сожжённый росток. Он даже не нагнулся за ним.

– Зачем... им он?

Домар ухмыльнулся и снова по-птичьи кивнул:

– Пригодится.

Старикашка покачал головой:

– Ты... неправ... когда связался...

– Мне надоело... прозябать...

– Мальчишка!

Я едва удержался от ухмылки. Вроде и не до веселья, минуло полсотни вдохов, как все мы стали слугами. Остальные, правда, всего на два года, в отличие от меня. И всё же мы потеряли свободу. А я уже веселюсь. Но слышать, как Домара с его сединой называют мальчишкой, равняя со мной? Впрочем, если старикашка – отец Домара, то неудивительно. Сколько же лет самому старикашке? Он выглядит даже старше моих стариков, что до сих пор не пришли в себя. Кроме того, у него две трети волос тёмно-красные, густо смешанные с сединой. И вокруг нас Второй пояс. Ему что? Больше сотни лет? Если так, то удивительно, что я для него не младенец.

Старикашка отмахнулся от Домара:

– Твои планы... – вздохнув, ещё раз оглядел нас. – В прибытке у нас две крепких Закалки и два Воина. Но ты впустую выкинул контракты на соплячку, девицу, калеку и двух стариков. Они скопом стоят дешевле, чем один контракт.

Домар едва слышно для меня огрызнулся:

- Ты поставил меня главой, а сам вечно недоволен. На стариках нет контракта.
- Да как бы ты заключил контракты сдохлыми?

Я поспешил вмешаться:

– Господин, со стариками всё в порядке. Я использовал технику, чтобы погрузить их в сон.

Взгляд старикашки придавил меня к земле. Какое у него Возвышение?

- Для чего?

– Они не хотели ехать сюда, а я не хотел оставлять их одних... – стоявший позади стражник ударил меня, и я поспешил добавить, – господин.

– Хороший поступок, кому как не мне, старику, его оценить. Даже жаль, что ты не приживёшься у нас.

- Господин?

– Это Домар радуется, заполучив тебя, но не я, – Сирк покосился на Домара. – Ладно, нам старикам нужно чаще молчать в делах молодых. Что ты ещё умеешь, кроме как усыплять?

– Я служил лекарем у прошлого господина и знаю ещё две лечебных техники. Прикосновение Весны первой звезды. Шесть Лепестков Лотоса первой звезды.

Старикашка понял, что я не собираюсь продолжать, огладил бороду и спросил:

- Это всё?

- Да, господин.

- Отец...

Старикашка вскинул руку, обрывая Домара, приказал мне:

- Я, Сирк Саул, приказываю тебе, слуга, отвечать правду. Какие техники ты знаешь?

– Лезвие, Опора, Покров, Прикосновение Весны, Шесть Лепестков, Сошествие Ночи, – помолчав, я добавил. – Умножение техник.

Если уж я могу лгать, то даже всех моих лечебных техник Саул не получит. Длань Возрождения останется тайной. Если хотят, чтобы я приносил им пользу, пусть дают мне техники.

Старикашка Сирк на этот раз бороду дёрнул:

– Что за безумие? Воин десятой звезды, что знает всего три стоящие техники и при этом обладает Умножением? Всё верно?

- Да, господин.

Я поклонился, но не для того, чтобы показать уважение, а чтобы скрыть нахлынувший страх. Дарсов придурок! Лгать могу только я. Что если Сирк повторит свой вопрос маме или Лейле? Что если Зотар, которому я обещал переход через границу Поясов и свободу, решит выслужиться перед нежданнами хозяевами? Достаточно одного его слова, и всё рухнет. Уж он-то точно знает, что я владел многими боевыми техниками и, кажется, даже сам видел, как я использовал Шаги на рынке.

Но Зотар молчал, и я выпрямился, снова встречаясь глазами со старикашкой Сирком. К нему как раз склонился Домар:

– Отец, скорее всего, его только приняли в слуги. Обычный набор, с которого и начинают учить Воинов. А Умножение небось купил, когда решил сбежать во Второй. Так, слуга?

- Так, господин.

– Хорошо, – старикашка Сирк кивнул в подтверждение своих слов. – Пусть ты ничего не знаешь, но Саул щедр. Научим. Выдадим те же техники, что и всем нанятым стражникам. Срок три месяца. Через три месяца отправишься в леса с нашим отрядом.

- Отец, нет!

- Это ещё почему?

- Мне не нужен риск, не с... не с этими.

- Нечего было обещать.

- Отец.

Сирк и Домар уставились друг на друга. Мне в леса хотелось. Родные, привычные, обещающие свободу. Но я не мог. И поэтому опять влез в разговор, хотя явно нужно было молчать:

– Уважаемый господин, я не могу.

Старикашка даже не повернул ко мне головы:

– Вздор.

– Прошлый господин заставил меня заключить контракт. Я не могу использовать боевые техники и оружие.

– Он же умер.

– Это контракт на меня, господин.

– Что?

Теперь на меня глядел и Сирк, и Домар. Домар даже хохотнул:

– Кажется, ты чем-то разгневал Небо, слуга. Или же теперь оно глядит на меня.

Старикашка Сирк зашипел:

– Небу нет до нас дела. Оно смотрит только на Барериса.

– Отец, всё изменится, поверь.

Но старикашка Сирк отмахнулся от его слов, ткнул в меня рукой:

– Твой контракт особый, ты можешь солгать сейчас, но стоит мне спросить прямо...

– Господин, я не лгу. Я не могу сражаться.

– Нахлебник. И сам, и его семейка, – Сирк повернулся к Домару. – А ты решил, что наша семья должна год их кормить и давать кров?

Всё что я позволил себе – на миг сжать зубы. До хруста. Благодетели. Но срок, который отличался от срока контракта, я запомнил, и голос мой звучал спокойно:

– У прошлого господина я занимался тем, что заживлял раны стражников.

– И он дал тебе всего три техники?

– Это лекарь... Господин, я только начал учёбу. Но... моя мама и старшая сестра понимают в травах. Дядя и брат...

Я снова сбился. Говорить о том, что они охотники – безумство. За стенами города Второй пояс, а они Закалки. В голове заметались мысли. Никто не занимается разделкой в лесу. Никто из ватажников. Вряд ли здесь всё сильно отличается.

– Они умеют разделять мясо, снимать шкуры и ухаживать за животными, – я услышал хеканье дяди Ди, торопливо продолжил. – А дядя Варо знаком со множеством дел, но лучше всего у него выходит печь хлеб.

– Старики?

Они всё так же лежали у наших ног. Ни один из стражников не знал техники, способной отменить действие Сошествия Ночи. К счастью. Острый язык что Марвита, что Леги легко мог раскрыть мою ложь, ведь старики единственные, кто не знал, что я буду говорить во Вратах. Я не думал, что они так уж захотят своими руками убить меня и маму. Но хватит и простой оговорки, тем более что старики очнутся, ничего не понимая. Убрать бы их вообще с чужих глаз подальше.

– Господин, они достаточно потрудились за свою жизнь. Мы позаботимся о них и возьмём на себя всю работу, что вы им назначите.

– Слышал, Домар? – старикашка Сирк ухмылялся. – Жалкий слуга заботится о деде больше, чем ты об отце.

Домар скривился, но ничего не ответил, а вот кто-то из стражников за моей спиной едва слышно кхекнул, словно подавился смешком. И услышал это не только я. Лицо Домара исказилось, взгляд метнулся поверх моей головы, затем опустил на меня:

– Кормить нахлебников? Ты прав. За воротами пусть...

Раздался голос мамы:

– Уважаемый старый господин! Этот старик кузнец, а его жена умеет наносить узоры на металл.

Сирк поднял руку, прерывая Домара, затем провёл по бороде:

– Ты хочешь убедить меня, что жалкая Закалка сумеет работать в нашей кузне?

– Нет, уважаемый старый господин, думаю, что их умений недостаточно, чтобы соответствовать семье Саул. Но прошу о снисхождении. Прошу оставить их с нами. Сын верно сказал: мы сами позаботимся об их пропитании.

Домар заметил:

– Брать всё равно будете из кармана моей семьи. Платы вам не полагается, отработайте сначала стоимость контракта.

Меня привёл в себя скрежет зубов. Моих зубов. Ты что же, Домар, думаешь, что если сейчас вышвырнешь их за ворота, то я не найду способ обмануть контракт и подсыпать вам всем какой-нибудь отравы? Наши глаза встретились, брови Домара чуть изогнулись, а взгляд на миг опустился ниже. Что? Мгновение я пытался понять, что это означало. Ты хочешь, чтобы я просил тебя и был тебе обязан? Хорошо.

Я встал на колени, опустил взгляд в пыль:

– Уважаемый господин, прошу милости для новых слуг семьи Саул. Прошу не разлучать нашу семью и дать нам позаботиться о наших стариках.

Домар удивился:

– Просит всего один?

Через несколько вдохов я услышал шорохи за спиной.

Старикашка Сирк поинтересовался:

– А почему ты ещё стоишь?

Я скосил взгляд. Зотар.

– Я не из этой семьи. Но меня всегда учили уважать старость. Старший, прошу о милости для этой семьи.

Смех старикашки Сирка задребезжал над двором:

– Хм-м. Поднял руки в приветствии идущих. Претендуешь на что-то большее, чем работа в слугах?

– Я привык сражаться, а не лечить. Неужели семья Саул не найдёт места для слуги с оружием, господин?

– Наглый, но в меру. Хорошо, Домар. Этих в левое крыло к остальным долговым. А ты, как тебя?

– Зотар, господин.

– А ты, Зотар, иди за мной.

Через мгновение мне в спину прилетел удар:

– Вставай!

Нас развернули от беседки назад, к воротам, от них направо, на узкие дорожки, обогнув сад по краю. Привели к узким воротам в стене. Внутри левое крыло лишь на первый взгляд выглядело под стать остальной части огромного поместья. Но уже через несколько вдохов стало видна бедность зелени, скудность отделки дорожек и зданий. Вернее здания. Одного, во внутреннем дворе которого мы оказались. Чем дальше шли, тем беднее всё становилось.

Широкие дорожки из тёсаного камня сменились неровными булыжниками, беседки исчезли, густая зелень давно забыла о подрезке. В глубине крыла, куда нас привели, остались лишь узкие каменные тропинки, всё остальное место занимала утоптанная красноватая земля. Зелень исчезла совершенно. Стены давно просили о ремонте и свежей краске. Стражник махнул рукой и двинулся обратно.

Я повторил его жест:

– Идите. Наверное, мы и комнаты должны искать сами. Если стражники и должны были что-то нам рассказать, то явно позабыли.

Мама кивнула. Мимо проковылял с палкой дядя Варо, прошли дядя Ди и Рат, несущие на руках спящих стариков, Лейла, Мара, Ралио. Мама коснулась на миг моей макушки мимо-лётной лаской. Я смахнул с террасы пыль и мусор, уселся, бездумно оглядывая двор. Не знаю, сколько я так просидел, меня привёл в себя женский крик. Я рванулся Шагом, забыв об Указах. В глазах снова потемнело, ноги подкосились, и я грохнулся на дощатый пол.

Зарывав, через мгновение вскочил, уже не пользуясь техниками, оказался у дверей. Рванул на себя шершавые створки, врываясь в широкий коридор с проходами на обе стороны. Вдали, слева из-за одной из дверей вылетел дядя Ди, врезался головой в стену. До него я добрался за два вдоха. Коротко оглядел. Жив, но потерял сознание. Вскинул руку, отправляя в него Шесть Лепестков. Через мгновение уже стоял в дверях.

Из моих здесь только мама, Лейла и Мара. Зато чужих четверо. Какие-то серые мятые балахоны с короткими рукавами, коричневые штаны. Один совсем рядом, в центре комнаты. Двое загнали в угол сестёр, один навис над лежащей в углу мамой. От её руки сверкнуло Лезвие, тут же осыпавшееся пылью. Воин. Остальные трое Закалки, знающие как сжать кулак. Даже сейчас для меня они не более, чем лужи с прозрачной водой. Только и могут, что швырнуть дядю Ди. Тот, кто это сделал, ощерился:

– Щенок, пошёл отсюда.

Меня редко так оскорбляли, последний раз на болотах. Цориут. Он плохо умер. Жаль, что я не могу убить этих. Не в первый же день? Кто знает, что здесь положено одному слуге за убийство другого? Особенно новому и бесполезному за старого. Хотя, глядя на их грязные одежды и рожи, сомневаюсь, будто они ценны.

Я запретил себе техники, меч, копьё. Даже Шаги. Мне остались лишь тело, кулаки и ноги. Да, Виликор, всё это бесполезно для настоящего Воина. Но я сейчас непонятно что.

Рядом с первым я оказался в четыре шага. И сломал ему ногу. Когда он заорал, ухватил за руку, которой тот искал опору, чуть напрягся. Сначала хрустнуло плечо, затем пальцы. Новый крик я вбил ему в глотку.

– Ты чего творишь?

Я поднял глаза. Говорил тот, что принял на Покров мамино Лезвие.

– Он ударил моего дядю. Ты тронул мать. Как думаешь, что я сотворю с тобой?

– Ополоумел? Мы шутовали, а ты... Парни, проучите его.

Двое в углу переглянулись, шагнули ко мне, расходясь в стороны.

– Леград!

В комнату ввалился Рат. Я буркнул:

– Не влазь.

Прыгнул к левому, пропустил кулак над собой, ударил в средоточие. Точь-в-точь как бил Бравур: выставив из кулака сустав одного пальца и вбивая его поглубже в мягкое тело. По затылку сначала мазнуло ветром, затем кулаком. Опасности не было. Опора не позволила меня свалить. Сначала я влепил по зубам тому, что согнулся передо мной, пытаюсь сделать вдох. Затем обернулся.

Слуга отшатнулся, но я оказался быстрее. Схватил его за горло, сжал крепче, вминая пальцы в податливую плоть. Спросил:

– Страшно?

Вместо ответа слуга ударил меня кулаком раз-другой, попытался пнуть в пах. Но лишь отбил ногу о Покров. Я переспросил, видя, как он багровеет:

– Страшно? Только что ты был полон сил, а теперь полностью беспомощен. Тебе ведь было приятно запугивать моих сестёр?

Воин, что до этого стоял молча возле мамы, заорал:

– Арнуз! Арнуз!

Вот уж кто точно испугался.

Я приказал:

– Рат. Дверь.

Сжал ещё сильнее. Слуга уже не пытался бить меня, хватал за пальцы, стараясь разжать их, едва хрипя. Глаза на багровом лице безумно вращались. Я шагнул к стене, вбил его тело в стену так, что с балок посыпалась пыль. Перехватил его с шеи за лицо. Вбил в стену ещё раз, оставляя на ней вмятину.

В закрытую дверь ударили, заставив Рата отшатнуться, потребовали:

– Откройте!

Воин заорал, заставив меня отпустить беспамятного слугу и оглянуться:

– Арнуз!

Нечего ему было поворачиваться к маме спиной. На этот раз Лезвие на Покров он принять не успел. Оно распоролло бедро, хлынула кровь.

– Ах ты, сука! Ты чего творишь?

Я зло оскалился:

– Ты так ничего и не понял.

Когда я шагнул к нему, Воин отшатнулся назад, но мама тут же пнула его, отшвыривая от себя. Ему пришлось сделать три коротких шага на подгибающейся ноге, чтобы не упасть. Я ударил его по здоровой, заставив рухнуть на колени. Совсем так, как стоял недавно я сам. Сначала я ухватил его за руку и выкрутил, уперевшись коленом в спину. Покров ему не помог. Подождав, когда он закончит орать, я приказал:

– Кланяйся.

– А?

– Кланяйся. Бейся о пол. Проси прощения. Или мне убить тебя?

– Ты сошёл с ума? – я потянулся к его второй руке, и Воин заорал. – Нет!

Принялся кланяться, вскрикивая от боли в сломанной руке. Наконец догадался и ухватил её здоровой, прижимая к груди вывернутые пальцы.

– Почему молча?

В дверь ударили так, что отлетела деревянная щеколда. Рат кинулся в ноги тем, кто попытался вломиться в комнату. А ещё недавно кланяющийся Воин ко мне, пытаясь свалить. Я ударил раз-другой. Мои пинки встретил Покров, Воин завалился набок, пытаясь отползти. Я уже отсчитывал про себя мгновения его защиты, когда меня обдало жаром и тут же снесло в сторону.

Я рухнул рядом с мамой, извернувшись, чтобы не свалиться на неё. Вскочил на ноги. В дверях на полу ещё возились, пытаясь заломать друг друга, Рат и какой-то парень. Я же вглядывался в того, кто отправил в меня что-то вроде Ядра, да ещё так, что я до последнего не ощущал от него угрозы. Крепкий мужчина. Такой же серый балахон и коричневые штаны, как на этих четверых. Но всё очень чистое и новое. Короткие рукава открывали мускулистые руки с тяжёлыми кулаками. Он перешагнул через возню у порога. Воин на полу тут же завизжал:

– Арнуз! Это новички, Арнуз. Они безумные. Они пытались убить нас!

Арнуз поморщился:

– Не ори.

Воин тут же заткнулся, лишь постанывал и баюкал руку. А вот я шагнул вперёд, склонился в поклоне идущих:

– Уважаемый. Всё было не так.

– Удивительно, но я слышу это каждый раз, как что-нибудь случается.

– Прошу простить меня, но эти четверо напали на моего дядю, напугали сестёр и тронули мать. Мог ли я спустить подобное?

– Громкие слова. Жикар наглый и самодовольный гхарк, но меру своих шуток знает. Я вижу лишь, что они тронули твоего, – Арнуз оглянулся в коридор, – дядю.

– Уважаемый, вы хотели, чтобы они завершили свои грязные намерения?

– Это домыслы. Все знают, что пока мы не отдали долг, то принадлежим здешней ветви семьи Саул. Драка – это всегда порча имущества Саул. Не говоря уже... о большем. Здесь, в моем крыле, должен быть порядок и спокойствие, новичок.

– Так следи за своими людьми. Уважаемый.

– Начал ты хорошо, но быстро перешёл на дерзости. Не привык ломать спину?

Я согнулся чуть ниже, снова пытаюсь сложить руки в приветствии идущих:

– Не привык, что одни слуги нападают на других. Словно здесь логово разбойников.

Арнуз покосился на лежащих:

– Ты почти угадал. Думаешь так много желающих лить кровь на долговой контракт в такой дыре? Должники, пьяницы, отчаявшиеся, но не желающие упасть в Первый пояс... Встречаются и разбойники.

– Я всегда был честным слугой. У нас долговые слуги служили только городу, не семьям. Так ты говоришь, что произошедшее – это шутка?

Не дождавшись ответа, я выпрямился, глядя в глаза Арнузу. Он огладил подбородок, негромко приказал:

– Хватит там.

Рат ещё пытался что-то там изобразить, но противник с руганью откинул его от себя. Поднялся, зыркнув на Рата и принялся оправлять одежду. Арнуз ещё раз оглядел меня, маму и сестёр, спросил:

– Вы кто и откуда такие наивные здесь взялись? Караван был вчера.

– Уважаемый, мы пришли из Первого.

Мои слова заставили парня, пришедшего с Арнузом, вскинуть взгляд, даже побитые стали стонать тише.

– Мастер избавился от вас? – Арнуз усмехнулся, сделал странный жест, словно пытался огладить бороду, но ухватил лишь воздух. – Интересно, к чему он вообще вас сюда тащил, вряд ли Саул заплатили ему много.

Помолчав, я всё же через силу улыбнулся:

– Я и есть тот, кто притащил нас всех из Первого.

Постанывающий Воин захрипел, дёрнулся, чтобы отползти и замер. Арнуз покачал головой:

– И при этом четыре глупца живы? Я не вижу перед собой Мастера.

– Я не Мастер. Десятая звезда Воина, что прикоснулся к этапу Мастера. Слышал про Умножение техник?

– Это слишком хорошо, чтобы заключать с вами контракты даже обычных слуг, а вы в крыле долговых. Мне кажется, ты лжёшь.

– Мне достались запасы одной старой семьи. Те, что они хранили на чёрный день. Хозяева погибли, а я стал тем наследником, которому досталось всё. Кое-что и вовсе не имело цены в нашем Поясе.

– Зелье прямиком из атанора Древних? – Арнуз хохотнул, но затем смех оборвался, а лицо его вытянулось. – погоди, ты что и впрямь перешёл через Врата? – тут же он вскинул руки под мигание взбесившихся контрактов. – Молчи! Ни слова. Я этого не слышал, так... забавная байка. Мне не так много осталось от срока контракта и не нужны проблемы. Лучше быть глухим, верно?

Я не сразу понял, что последнее он произнёс не для себя, а для тех, кого я побил, и для парня, который всё ещё стоял у дверей.

– Ничё не слышал. Я тоже. Да брешет небось, тошно слушать.

Я же хмыкнул:

– Не знаю, уважаемый.

– В долговые слуги идут те, кому некуда податься. Ты, верно, из таких? – Арнуз помолчал и, не дождавшись от меня ответа, снова с нажимом спросил. – Из таких же?

– Верно.

– Ну, а раз так... Не хочешь называть меня старшим?

– Пусть я недолго побыл свободным идущим, – Арнуз скривился при этих словах, но я всё равно закончил так, как и хотел, – но к этому быстро привык. У меня десятая звезда, а у тебя?

Не хватало мне и здесь сгибаться. Да, дарсова цепочка, которую накинуд на меня дарсов Кирт. Или не он? У него же были заняты руки. Значит второй, имя которого я тоже узнаю. Нет, чего это я. Кирт. Ведь к тому моменту он убрал руки. Тварь. Не будь цепочки, и я бы не сдерживался, чтобы обеспечить безопасность семьи. В Гряде я всех делал свободными от Указов? Здесь бы все стали моими слугами. И Домар с Сирком не избежали бы этой участи. Через день-два, три я сумел бы подчинить себе их контракты и Указы.

Арнуз хмыкнул:

– А ты упрямый. Из какой бы дыры не вылез. Конечно нет. Кто станет держать такого сильного Воина в слугах? Они – основа силы семей. Те, кто может в один момент понять стихию и стать Мастером. Но, похоже, с тобой это не так.

Я лишь криво улыбался, слушая всё это. Арнуз замолчал, затем снова ухватился за подбородок, спросил:

– Ты рассказал мне это, потому как думаешь, ранг спасёт тебя от наказания?

– А на мне есть вина?

– Порча имущества, – жест Арнуза был красноречив.

– Я думал, мы хоть и слуги, но люди.

– Не играй словами.

– Я всё же лекарь, могу их подлечить.

– И сломанную ногу с руками тоже?

Поджав губы, я признал:

– Это нет, – тут же предложил. – За пару дней?

– Бессмысленно. Мне всё равно придётся просить зелья у господина Симара. И он тут же спросит, наказаны ли виновные?

– Я вижу, – повёл рукой, – что все виновные «наказаны», уважаемый.

– За шутку они наказаны чересчур сурово.

– Не знаю, что у вас тут за обычаи, уважаемый Арнуз, но если они попробуют ещё раз так пошутить, то я оторву им головы.

– Разве в твоём контракте нет слов о сохранности имущества?

– Не пытайся убедить меня в такой глупости. Они люди, пусть и глупые.

Арнуз усмехнулся, спросил:

– Жикар, ты слышал?

Воин, которого я заставил кланяться, выдавил через зубы:

– Слышал.

– А понял?

– Понял.

Арнуз засмеялся, повернулся к нему:

– Да тебе, видно, новичок разум отбил? Или ты после побоев десятую звезду открыл? Вместо чудодейственного зелья отхватил чудодейственных пинков? Точно хватило до десятой звезды?

Жикар побледнел, хотя я думал, что дальше некуда, торопливо закивал:

– Понял, уважаемый Арнуз, понял, уважаемый Арнуз.

Арнуз повернулся ко мне, негромко сказал:

– Извини.

В два шага Арнуз добрался до Жикара, хрустнула вторая рука. Жикар завопил. Дождавшись, когда вой стихнет, Арнуз наклонился к нему ближе:

– Ты понял, за что?

– Понял, старший.

– За что?

– За мои шутки.

– Ещё раз решишь, что новичков должен встречать ты и... Помнишь Проныру?

Жикар заскреб пятками по полу, пытаюсь уползти, и окровавленная нога ему не мешала:

– Я понял, старший, понял!

– Надеюсь.

Арнуз отвернулся от лежащего, улыбнулся, словно ничего не произошло и вздохнул:

– Ну вот, все нарушители наказаны... Кроме одного.

Я молчал, глядя в ответ. Арнуз развёл руками:

– Какое бы у тебя ни было Возвышение, но я старший над слугами, а ты лишь новичок здесь. И господин Симар не пришёл, чтобы снять с меня старшинство и отдать его тебе.

Несколько мгновений я продолжал глядеть в глаза Арнуза, затем кивнул и, подняв руку, сжал перед собой кулак:

– Как скажете, старший над слугами. Готов принять наказание.

Арнуз хмыкнул и вышел из комнаты:

– Пошли.

Прежде чем сделать хоть шаг следом, я повернулся к Воину Жикару, несколько мгновений вглядывался в его глаза, а затем громко сообщил:

– Хуже всего для вас парни то, что я лекарь, и если не сегодня, то в следующий раз вы попадёте ко мне. Знаете, стоит добавить одну безобидную травку в зелья, как боль от ран становится в пять раз сильнее. Я видел, как после такой алхимии бились от боли так, что ещё раз ломали себе кости. И длилось это почти сутки.

Если они действительно не хотели довести дело до конца, а решили поиздеваться над новичками, пока никто не видит, то хоть немного мозгов у них должно оставаться. В крайнем случае у мамы тоже припрятан кисет. Жаль я сейчас не могу избавиться от своего. Идти с такой вещью на наказание – не лучшее решение.

Сойдя со ступеней, Арнуз негромко сообщил:

– Глупая угроза.

Я промолчал. На полпути между входом в крыло слуг и комнатами долговых слуг Арнуз развернулся ко мне:

– Оглянись. Видишь?

Отсюда разница двух половин двора смотрелась ещё разительней.словно граница. Арнуз повёл рукой:

– Там живут слуги, которые служат Саул за деньги. Слуги семьи. Они считаются старше нас, долговых, что должны трудом вернуть семье Саул потраченное на нас. Бывает так, что те слуги спихивают на нас ещё и свою работу. Имеют право. Так что новичкам я советую не заходить за эту границу и вообще не попадаться на глаза господских слуг.

– Будем считать, что я этого не слышал. Мой контракт говорит только о приказах членов семьи Саул, а не их слуг.

– Как знаешь. Без разрешения не выходить за пределы крыла слуг. Стражники имеют право наказывать нас, если заметят за воротами в вечернее, а тем более ночное время. Это ясно?

– Ясно.

– Хорошо. Теперь поговорим о нас с тобой... – помолчав, Арнуз словно невзначай огляделся. А я подумал, что эта граница неплохо подходит для разговоров с глазу на глаз. – Для начала, как тебя зовут?

– Леград, уважаемый.

– Давай проясним, Леград. Даже если ты действительно пиковый Воин, то долговые контракты уравнили нас. Ты слуга и я слуга семьи Саул.

Контракт над головой Арнуза налился сиянием, его символы мигнули, напомнив мне, что тысячи людей годами живут с Указами и даже умеют им сопротивляться. А Арнуз, выходит, не считает себя слугой Саул или как-то иначе искажает для себя смысл своих же слов. А мне и нужно не так много исказить, чтобы освободиться. Пора учиться. Заметив, как прищурился Арнуз, понял, что он принял усмешку на свой счёт. Поспешил успокоить:

– Я всё понимаю. Здесь ты старший.

– И мне совсем не нужны проблемы.

– Главное, никто не должен трогать мою семью. И ты забудешь о моём существовании.

Арнуз засмеялся:

– В этом я сомневаюсь, – и пошел дальше, уже за воротами крыла слуг, коротко приказал. – Жди здесь.

Глядя ему вслед, я размышлял над тем, каким будет наказание. Сколько плетей мне назначит этот их Симар. Беспокоило не количество, а кисет старейшины, который пришит ниже колена. Тот кисет, в котором и лежали все мои сокровища: меч, молот, алхимия, ядра. Конечно, с меня сдерут халат, а не штаны. Но я опасался, что неосторожный удар порвёт штанину, показав всем кисет.

В нём даже спрятан жетон шэна, который я так удачно решил снять перед переходом. Больше опасался, что выдам себя, как Страж. Но вышло удачно. Ведь накидывая на меня эту цепочку, стражники увидели голую шею. Ни маме, ни даже Зотару не досталось такой штуки, и я пока не понимал, в чём же между нами разница. В сроке контракта. А в чём ещё? Что должна делать эта цепочка? Не знали же они о том, что я мастер Указов?

Но сейчас не время и не место для поиска ответов: пусть я не мог влиять на контракты и Указы, но продолжал их видеть. Слева за стеной стоят два стражника, скорее всего они приглядывают за мной. Поэтому я опустил плечи и сгорбился. Как раз за несколько вдохов до того, как заметил контракты Арнуза.

С ним пришёл стражник, на груди которого красовался вышитый толстой нитью щит, и три слуги, которые отличались от Арнуза своей одеждой. У них и серая ткань не напоминала мешковину и штаны оказались такими же серыми, а не коричневыми, как у него. Одеты похоже на Симара или Сирка. Кроме одной детали: поверх курток на них оказались надеты чёрные безрукавки. Удобно. С одного взгляда видишь, кто перед тобой: господин, слуга или должник семьи.

Стражник без слов ухватил меня за воротник и потащил следом за собой. Как будто я пришёл сюда не сам и не смиренно ждал его прихода. Смешно. Меня привели куда-то на задворки, где, сложив руки за спиной, нас ждал мужчина. Средних лет, возраста мамы. Гладковыбритое лицо, светлые волосы с синими прядями. Серый халат, вышитый чёрной нитью. Меня швырнули к его ногам.

– Я Симар Саул, – я скривился, пользуясь тем, что никто не видит моего лица. Ещё один Саул. Сколько их здесь есть? – А ты жалкое отребье. Не пробыл в поместье и половины дня, а уже принёс проблем и убытков. Отец прав, в этот раз транжира Домар притащил в семью настоящие отбросы. Даже не знаю, что он придумал на этот раз.

На миг вскинув голову, я тут же опомнился и вновь отвёл взгляд с лица Симара в землю. Не хватало ещё, чтобы почувствовал мою ненависть. Кто знает, каково его Возвышение, и насколько он хорош в боевой медитации. Пока я могу судить только по прядям волос. Хорошо,

если он Воин всего пятой звезды, но сейчас в игре слишком многое на кону, и мои кости выпали единицами.

– Отребе, – Симар пихнул меня сапогом в плечо. – Я не успел даже переодеться к обеду, а от тебя уже проблемы. Несправедливо.

Поняв, что его молчание – это ожидание моего ответа, я поднялся на колени, склонил голову:

– Господин, я случайно повздорил со слугами. Больше такого не повторится.

– Когда отец сказал мне, что от вас будут одни проблемы, я посмеялся. Смех ещё не стих за столом, как сообщили о тебе. Ты выставил меня дураком перед отцом. Перед братом!

Я молчал, пряча лицо и готовясь к наказанию. Давным-давно прошли те времена, когда я вздрагивал при звуке плети. Так же давно, как моя слабость. Теперь мне опять нужно смириться с тем, что меня кто-то может наказать. Но и к этому я готовился, снося грубость харчевника-Закалки в придорожном трактире и заставляя Рата кланяться вместе с собой вонючему стражнику. Не знал только, что всё зайдёт так далеко. Мне и нужно-то всего несколько сотен вдохов уединения, и я найду способ разобраться с вашей цепочкой...

– К столбу его!

Я успел усмехнуться земле, прежде чем меня вздёрнули на ноги. В Школе обходились без таких глупостей, пользуясь техникой для обездвиживания. Хотел бы я поглядеть, как Воины попытались бы использовать на мне Длань Ордена. Хотя здесь наверняка у этой техники другое название.

Столб оказался недалеко, за углом. Напоследок меня пихнули в спину, явно чтобы я свалился. Но мои Указы забрали у меня техники и оружие, а не ловкость и силу. Я остановился в шаге от старого чёрного столба. Оглядел его, ища верёвки или кандалы. Ничего нет. А вот сам столб странный. Слишком свежо выглядит. Ровная полированная поверхность: в него вложено немало труда.

– Эй, как тебя там, повернись.

Арнуз подсказал:

– Этого слугу зовут Леград, господин.

– Да плевать. Эй!

Симар смолк на миг, потому что я всё же обернулся, тут же едва слышно буркнул:

– Тупое ничтожество.

Через мгновение Симар медленно поднял перед собой руку. Ладонью вниз. Я, и в самом деле ожидавший Длань, тихо выдохнул сквозь зубы. Тварь. Видимо, он всё же не пятой звезды, раз надеется сковать меня. Сам я медленно поднял руку, нащупывая пояс и готовясь снять халат. Повёл глазами справа налево. От Симара к Арнузу, затем к стражникам, над которыми висели контракты. Где эта дарсова плеть и кто будет меня наказывать?

Под ногами вспыхнуло, меня обдало жаром, и я тут же толкнул энергию в Рывок.

А затем на меня рухнула боль. Когда я снова начал видеть, то понял, что лежу на грязных, давно неметённых камнях. Прямо перед моим лицом на них горела красная линия. Она чуть заметно пульсировала, меняя яркость, то и дело закрываемая алыми пятнами, которые плыли перед глазами. Одновременно с волнами боли, которые накатывали на меня. Боль от Указа, который наказал меня за использование техники, та, что пронзила мне голову, уже исчезла. Осталась та, которая охватила меня целиком, пробралась под халат, в сапоги, под волосы. Словно я свалился в огромный чан с кипятком или с меня содрали кожу, пока я валялся. Целиком. С головы до ног. В ушах гулко стучало, перемежаясь каким-то хрипом.

Я вывернул руку, вызвав новую волну боли. Подтащил её к лицу, рядом с горячей линией. Целая. Кожа на месте. Крови нет, только алые пятна теперь наплывают и на руку. А ещё она дрожит, словно я глубокий старик, который уже готовится к смерти.

Опёрся на руку. Больно. Будто и впрямь голое мясо. Попытался подняться, ощущая, как одежда впивается в тело, причиняя новую боль и уменьшая другую. Оказывается, лежать на камнях это очень больно.

С трудом, но сумел сесть на колени. Теперь главная боль стекла вниз, к ним. Твёрдый камень двора впивался в тело через одежду, вонзался в меня. Казалось, вот-вот из-под меня должна потечь кровь из раздираемых камнем ран. Но это всё обман. Я внутри формации и столб – её центр. Огромный Флаг. Вот почему он так странно выглядел. Гул в ушах стих, и я вдруг понял, что хрип это мои то ли вдохи, то ли стоны.

Сцепил зубы. Не помогло. Закусил губу и даже не почувствовал боли. Сильнее. Ничего. Только что-то потекло по подбородку, заставляя гореть кожу огнём.

– Какое наглое ничтожество.

Слова я едва разобрал, мгновение пытался понять, кто это сказал, а затем на меня что-то рухнуло. Вбило обратно в камни, прижало к ним, не давая пошевелиться. Кажется, я снова потерял сознание от боли, очнулся от того, что мне нечем было дышать. Недавно я старался сдерживать свои стоны, а теперь сражался за простой вдох. Кто-то давил на спину с такой силой, что грудь словно расплющило, выбило из меня воздух. Всей моей силы Воина и Мастера не хватало на то, чтобы втянуть в себя хоть глоток воздуха.

За мгновение я представил обращение к Небу. Вжатый щекой в камень, я не мог его видеть, но уверен, что оно появилось на своём месте. Только энергию в него не толкнул. Если создать обращение техники силы вышло само собой, то затем очнулся разум. Если я сейчас ещё раз потеряю сознание, то умру.

Впились пальцами в камень. Толкнулся от него, пытаюсь приподняться хоть на волос. Дать груди хоть немного свободы для вдоха. Я позабыл о боли от «содранной» кожи, от камня, что «вонзался» в тело. Алые пятна перед глазами начали бледнеть, стало темней.

Ну же. Хоть чуть воздуха...

Через мгновение на саднящую кожу обрушилась ледяная волна, хлынула в рот, в горло. Я закашлялся, выплюнул её. Забарахтался, открыл глаза, пытаюсь понять, что происходит. Надо мной с ведром стоял стражник. Встретив мой взгляд, ухмыльнулся и шагнул в сторону.

Теперь я понял, что он облил меня водой. И это хорошо, потому что хоть немного успокоило горящую кожу. Правда, последнее, что я помнил до воды: я лежал на животе, пытаюсь сделать хотя бы один вдох. А сейчас на спине.

Вместо стражника надо мной появился Арнуз. Негромко спросил:

– Встать можешь?

– Не знаю.

– Давай выясним.

Арнуз протянул руку. Подумав, я вцепился в неё. Мои пальцы всё ещё дрожали. Стоя, сумел оглядеться. Исчезли линии на камнях, стражники и Симар. На месте оставался только столб и грязная лужа воды у его подножия. И ни следа крови, которой мне казалось, я истекал из сотен ран от каменных лезвий.

– Что это было?

Голос хрипел, точь-в-точь как я слышал, пока барахтался на камнях.

– Первый раз столкнулся?

– Глупый вопрос.

– Откуда мне знать, как наказывают слуг в... Там, откуда ты пришёл.

– Плетями, – мелькнули воспоминания из баек Гунира. – Деньгами, голодом, мечом.

– Ясно, – Арнуз закинул мою руку себе на шею и повел, помогая идти. Каждый новый шаг давался мне всё легче. – Саул не какие-то там слабаки. Семья владеет землями. Пусть здешняя ветвь семьи, – Арнуз огляделся, ради этого даже остановившись, – гонимая, но денег

они на лесах поднимают немало. С чего бы им опускаться до голода или плетей? Это Столб Наказания. Хочешь совет?

– Нет.

Арнуз негромко засмеялся:

– И всё же слушай. В следующий раз делай всё наоборот. Не нужно показывать, как ты силен. Не сдерживай крика и моли о пощаде. Симар это любит.

– Поглядим.

– Как знаешь, Леград. Сегодня тебе достались две печати. Однажды при мне на этом Столбе казнили слугу, который тоже был о себе высокого мнения. Крепкий Воин седьмой звезды выдержал всего три печати. Если сдохнешь, то кто останется с твоими родными?

– Спасибо за заботу.

– Торопиться, парень. Господин Симар на твою семью заданий надавал...

Я упрямо мотнул головой, отстранился от поддержки Арнуза:

– Поглядим. Расскажи, кто кому здесь приходится. Как зовут главного? Это он стоял последним среди старших, когда мы перешли Врата? Он ещё отдал приказ Домару, а тот назвал его дядей в ответ, хотя их возраст одинаков.

– А, понял. Там ты видел господина Аймара. Младший сын третьего брата главы всей семьи Саул. Ему принадлежит Ясень, хотя всем здесь заправлял сначала господин Сирк, а теперь господин Домар. А господина Аймара и не видеть, он, как и все остальные старшие фракций, бывает здесь лишь два дня в месяц, когда приходит время открывать Врата.

– Остальные старшие – это те, кого я видел после Врат? Лир Гарой и прочие?

– Да. Они. В остальное время они живут в Двух Холмах.

Мы уже вошли в крыло слуг, Арнуз опять словно невзначай огляделся и только потом продолжил:

– Это город в двух днях езды. А здесь у нас старший Домар, как я и сказал. По возрасту Домар и Аймар и впрямь равны. Но Домар принадлежит к другой ветви семьи. Его дед – второй брат нынешнего главы семьи. Домар, как бы должен считаться равным Аймару, но говорят Сирка выперли из Парчовых Небес, и теперь они сидят здесь безвылазно.

– Сирк отец Домара и Симара?

– Да. Старший сын второго брата нынешнего главы семьи Барериса.

Голова и так ещё кружилась после наказания, поэтому все эти сплетения родственников с трудом в ней укладывались. В Ордене было гораздо проще. А ведь здесь тоже наверняка старики отошли от постов, но всё ещё способны вмешиваться в дела семьи.

– Стой.

Я послушно остановился. Мы не дошли до входа к себе шагов двадцать.

Арнуз обошёл вокруг меня, оправляя мне одежду, остановился спиной к зелёной части двора:

– Вернёмся к началу нашего разговора. Каждая провинность должников слуг – это наказание и мне. Кто в здравом уме будет получать чужие тумаки?

– Тот, кто полил кровью долговой контракт?

– Уел. Но ты ведь умный? Ты меня понял?

– Да, понял, Арнуз. Если мою семью не будут трогать, то от меня не будет никаких проблем.

– Договорились. И меньше болтайте.

Я молча пошёл дальше. Хотя на мне не осталось ни следа наказания, кроме грязной и мокрой одежды, тело помнило о нём: то и дело пробивала дрожь, да и сам я порой делал вдох глубже обычного. Когда до террасы оставалось с десятков шагов, я сморщился. И вовсе не от боли. Стал слышен недовольный голос, который я сразу же узнал. Старики очнулись. Какого

дарса я взял их с собой? Нужно было оставить с Золаком. За два-три месяца они бы вполне освоились в Ясене. Да и у Мириота разум всегда был сильнее, чем эмоции.

Хотя и он часто ошибался. Как он кричал на улице? «Да кто бы тебе позволил умереть?» Наверняка намекал на Клатира. Да только ошибался. Тот и намёком не обещал, что будет за мной присматривать здесь, во Втором. Иначе как бы я оказался в такой заднице? Когда дело не касалось самого Мириота, то он всё хорошо продумывал. Но стоило чему-то коснуться его... как случилось с Риквилем и Таори... Ладно. Он не сумел признать свои ошибки, а я сумею это сделать.

Поэтому в комнату я шагнул, не опуская глаз.

– Сопляк, ты куда нас уволок на старости лет?

– В благословенные земли предков, как того хотел отец.

– Чего ты мелешь?

– Не знаю только, жили ли они когда-нибудь во Втором или нет. Может твои деды, – я едва привычно не сказал «старик», но... сейчас не лучшее время для склок, – Марвит, что-то рассказывали об этом?

Старик несколько мгновений лишь беззвучно открывал и закрывал рот, всё же сумел ответить:

– Нашёл время россказни стариков вспоминать.

Мама подначила:

– Чем ещё деду с внуками заниматься?

Марвит тут же вскинулся:

– Ты, ещё!..

Это оказался... непростой разговор. Я рад, что мама поддержала меня и забрала часть негодования старика на себя. Как и в гостинице Ясенья, наши комнаты теперь рядом. Ничуть не напоминают клетушки Квартала Чужих Имён, но и на наш дом в Гряде, конечно, не похожи. Не знаю, как у обычных слуг, а эта часть крыла выглядела недостроенной. словно возвели внешние стены, поделили перегородками на комнаты, а на остальное не хватило досок. Остальное – это кровати, столы. Потолок. Лежали мы вдоль стен на ворохах какого-то тряпья, которое выдал Арнуз. Хорошо ещё, что чистого. И я отчётливо видел балки крыши. При желании можно перелезть через стены в любую комнату.

Это и хорошо, ведь и слышимость отличная, особенно с моим слухом, и плохо. И не только потому, что в комнатах не закрыться по-настоящему, попробуй оградиться дверью от Воина, но и потому, что я слышу то, что многие предпочли бы скрыть от посторонних ушей.

Жаль, разговаривали так долго, что Лейла заснула раньше, чем старики и дяди разошлись. Сразу я не сообразил, но теперь, остыв и от драки, и от столба, у меня появились к ней вопросы. Для начала разве всё, что произошло сегодня, так интересно, что Небо не предупредило её? Одно дело – вопросы каких-то посторонних людей, а другое – судьба той, которая может тебя слышать. Если бы я знал, к чему приведёт мой план, то немедленно бы отказался от него.

Странно выходило. Когда я перешёл границу Нулевого и Первого, то изо всех сил старался показать, насколько силён. Занял место Тогрима, сошёлся в драке с Виликор, учил своих друзей, да и сам жадно впитывал в себя всё новое. Разве что немного смухлевал со своим Возвышением. Но только чтобы не вызывать вопросов слишком быстрым ростом и скрыть момент, когда применил возвышалку. Всё равно экзамен и проверка Возвышения всё бы расставила по своим местам.

Границу Первого и Второго я перешёл совсем по-другому. Слабым, никчёмным, загубившим все свои будущие достижения ради цели в десятую звезду. И, похоже, оказался достаточно убедителен, чтобы даже видевшие сотни перешедших, отвернулись от меня. Ну, или

сумел отвратить от себя одного, самого важного. Кто знает, не скажи Лир, что не желает видеть на мне герба, не взяли бы меня к себе другие?

Важно то, что итог один. Самого сильного победила сначала Виликор, показав, как высоки бывают горы, а затем подкупленный экзаменатор. Самого слабого тут же поспешили прихватить проныры Саул. Золак ни словом не обмолвился, что перешедших закабалят, да и обмолвкам Арнуза стоит верить. Саул явно пошли против правил.

Ещё вопрос: зачем они это сделали? У всех, кто сейчас спит в этой части крыла слуг, двухлетние контракты. Всё это время слуги трудятся на благо Саул, получая взамен только кров, стол и одежду. Ну и лечение при нужде. Лишь у меня пятилетний контракт. Неплохо бы утром сравнить текст моего и маминого. Сделал бы это сейчас, но проклятая цепочка не даёт мне коснуться их, влить в них свой дух и превратить их символы в читаемые.

Ясно одно. Нет уверенности, что через пять лет Домар с улыбкой скажет: «Свободен» и отпустит из поместья. И согласиться со старикашкой Сирком я не мог. Там ведь нужно было показывать свои успехи с техниками. Да он, скорее всего, и не говорил это вправду. Думаю, лишь поддевал сына, почти так же, как я в Первом поддевал старика Марвита.

Пусть я несколько мгновений считал, что в лесу лучше и больше шансов на свободу. Что мне она без родных? И мало ли мне свободы сейчас, ночью? Делай что хочешь, только соседей не разбуди. Хотя я и могу сейчас не так много. Мне остались лишь Формы да лечебные техники, всё же я не пожалел энергии для своих Указов, да ещё и запутал их сверх меры. Арнуз сказал, что завтра я, мама и Мара отправятся к лекарю семьи, чтобы он оценил, сумеем ли мы ему пригодиться. Насчёт этого я не волновался. У мамы стихия Дерева и две хорошие техники, я в сравнении с ней смотрюсь гораздо хуже, потому что всё то, что было написано в купленных через Ирама трактатах, ей было интересно. В отличие от меня. У Мары опыт алхимии. Пусть и травы, и уровень Второго совсем другие, но она сумеет себя показать, потому что тоже внимательно читала всё, что я купил. А я? Придумаю.

Тут лучше бы попробовать пристроить к лекарю Лейлу. Сколько она уже умеет? У горшечника учеником была, у стеклодува. Теперь вот к лекарю бы её пристроить. Хотя бы как помощником Мары с травами. Я ведь не обманул Сирка, уж кому, как не Лейле перебирать травы и выискивать среди них хорошие. Говорящей с Небом, Воину, которого сегодня отшвырнула в угол простая Закалка.

Этот вопрос меня сейчас глодал сильнее всего. Что? Она знала, что всё это лишь проверка новичков, попытка их унижить и поставить на место? Даже я этого не понял, а ведь за моей спиной и Школа и лагерь ватажников. Да и откуда ей, мелкой девчонке знать, где граница шутки? Ведь их и впрямь могли тронуть.

Как у меня нет веры Домару с его враньём о пяти годах. Сирк сам проговорился о годе. Значит, у меня есть всего шесть месяцев, чтобы решить проблему с моими Указами.

Вспомнив утро, я едва сдержался от ругательства. Дарсовы сволочи. Как они красиво рассказывали, что наши контракты стоят дороже, чем кормёжка и кров. Кто просил их об этих контрактах?! Благодетели. Брехливые твари! Одни кисеты, что Домар швырнул на стол, стоили дороже. Не считая того добра, что лежало в моём.

Осознав, что сжимаю кулаки так сильно, что уже ощущаю боль, постарался успокоиться. Достаточно того, что я отплачу им за это. Я ведь готовился к тому, что могу потерять кисеты, готовился к худшему. Правда, действительность превзошла всё, что я только мог придумать. Как падение вниз по Поясам это законы империи для низкого Возвышения, так и подъём наверх – это закон Империи. Достаточно вспомнить судьбу тех фракций, которые не могли обеспечить переходы через Врата, чтобы понять это.

Поэтому у меня есть несколько путей, по которым я могу идти. Самый простой – продолжить жизнь долгового слуги. Принять произошедшее. Спокойно провести несколько месяцев, разбираясь с Указами и цепью на шее. Мне не привыкать носить воду или камни. Во многом я

не обманывал Арнуза. Если они меня доведут, то я сумею оторвать голову любому из слуг и это будет благом для семьи Саул. Очищу их от грязи. Но... это, конечно, самый крайний случай.

Второй путь... Признаться в том, что я не сожжённый росток, как красиво меня обозвал Домар, а талант. Вокруг меня Второй пояс. Должны же быть у них не только формации наказания, но и формации испытания, такие же, как я прошёл в Миражном. Тогда, Саул окажется в огромном выигрыше, обманув Гарой, получив талант, который они хотели бы прибрать к рукам. Честная десятка в четырнадцать. Вот уж точно, Небо глядело на них! Умолчать, что последние звёзды я получил, раз за разом используя Круговорот. Я всё же надеялся, что Каори достаточно хорошо подлатала меня в Миражном, а там, возможно, я проберусь в ещё один город Древних и сумею исправить то, что повредил в меридианах. Намекнуть Сирку, что я готов простить унижения, которые перенёс. Потребовать чего-нибудь, что они готовы отдать. Хотелось бы Симара к столбу наказания, но я должен осознавать границы допустимого. Денег, зелий или техник. Чтобы они решили, будто выплатили виру, и я действительно забыл случившееся.

Этот путь хорош. Действительно жаль, что я успел получить наказание. Они могут решить, что я затаил злобу и не поверить мне. Могут и не суметь проверить меня. Если бы формации испытания были доступны, то тот же Гарой просто проверил бы меня сразу после Врат, а не выслушивал мои рассказы. В Первом у фракций Пояса не было формаций испытания. Я знаю это точно. Даже в Академии не было. Кто сказал, что они должны быть во Втором? Что если эта возможность сгинула вместе с Древними?

Раз уж я вспомнил о них, то есть ещё один путь. Третий. Жетон шена. Пусть во Втором не любят вилокцев и ещё сильнее не любят тех, кто умеет накладывать трёхцветные Указы. Но во втором я сам не уверен, всё же мне не даётся даже другой цвет. Да и знать об этом Саул совершенно не нужно. Посмеют ли они убить того, кому сам вилокский надзиратель за Первым поясом дал свой жетон? Я пройду любую проверку на ложь...

Скривился, осознав размер новой задницы. Если я сумел солгать один раз, то кто поверит мне во второй? Здесь придётся наизнанку вывернуться, чтобы суметь убедить Сирку. Спихнуть всё на жетон? Тогда придётся сказать, что он действует только на мне. Отберут и испортят, привязав кровью к себе? Ерунда, не будь там моих записей, леса и техники Единения со Стихией. Потерять её? Слишком большой риск. Этот путь отложим на самый крайний случай. Кто может поручиться, что Саул не прикопают посланника клана Вилор? Пока никто не видит. Да и не простят мне лжи.

Стоит мне только пойти любым из придуманных путей и все, что меня ждёт – новый контракт. Хорошо, если при этом они снимут цепь, а если нет? Это сейчас все довольны тем, что задали мне пару вопросов и всё. Но если начнут проверять всю семью... Задавать вопросы уже им... Здесь не обойтись той историей, которую мы заучили в покинутом Поясе, не обойтись тем, что я подсказал сегодня. Нет. Здесь меня будет ждать только смерть. Никто не будет рисковать второй раз с таким странным идущим. Особенно если он так талантлив и так обижен ими.

Лучшее, что я пока могу сделать, это выждать и понять, что происходит. Хорошо, когда вокруг богатый Пояс и грабят тебя тоже богатые. Стражники сняли только кисеты и мешок Путника. То, что висело на виду. Никто и не подумал обыскать карманы или пояса. Действительно, что в них спрячешь? На Лейле так и остался амулет. Нужно сказать маме, чтобы достала себе и Маре. Только пусть примотают их куда-нибудь на плечо или ногу. Там главное, чтобы он касался кожи. Риск, но риск приемлемый. Не мог же слуга продать всё добро прошлых хозяев, не оставив ничего себе и родным? Утром нужно будет сказать ещё и об этом.

А я позабочусь о страховке. Зря я не верил Золаку. Здешние идущие и впрямь не так сильны, как я ожидал. Воины? Отлично.

Я ещё раз прислушался. Неровное дыхание десятка спящих. Рука уже давно сжимала кисет. Дяди спят, да и лежат лицом в другую сторону. Встал, взгляделся через стену. У женщин тоже всё в порядке. Легко оказался сначала на краю стены, а затем и на поперечной балке крыши. Вниз посыпалась пыль. Я замер, но контракты спящих даже не шевельнулись, дыхание их не изменилось.

Теперь. Самое опасное.

Хотел бы я медленно это сделать, но доставаемое из кисета возникало сразу и вдруг. Мгновение и в моей руке Флаг.

На этот раз я замер на долгие сотни вдохов. Сейчас мне мало спокойствия спящих подо мной. Мне нужно убедиться, что так же спокойно и во всём поместье. Если бы я дал себе волю, то проделал бы дыру в крыше, чтобы оглядеться снаружи. Но глупо делать дыру там, где собираешься прятать что-то.

Тишина. Снаружи не донеслось ни единого странного звука, а тем более не слышались крики и топот ног. Значит, как и в Гряде нет ничего, что сообщало бы страже о подобных Флагах. А вот призывать Призрака точно не будем. Достаточно и того, что я смогу сделать это в любой момент. Даже мама, случись что, сумеет добраться до Флага, окропить его своей кровью и отдать приказ.

Простые Воины не станут ему противниками. Он достаточно силён, чтобы выдержать первые удары любого противника и достаточно умен, чтобы залечивать свои раны, убивая слабых врагов. Какие бы мечи не носили стражники. Конечно Домар, Сирк или сильнейшие идущие среди стражи другое дело. Но с этого мгновения я не совсем беззащитен. Пробуди я сейчас, в ночи Призрака и кто знает, сколько из Саул и их стражи останутся живы к утру? А контракт? Что контракт? Я зло усмехнулся темноте. Я, мастер Указов либо выдержу наказание, либо мне будет уже всё равно.

Флаг надёжно устроился за балкой, там, где его не будет видно тем, кто ходит внизу. Буквально врос в дерево. Рядом приткнулся кинжал. Я запретил себе мечи и все виды копий. Но человек выдумал десятки видов оружия, а кинжал в моих руках уже забирает жизни. Единственное, что я не взял – амулет. Мне он ни к чему. Кто знает, как он поведёт себя у Столба? А я к нему ещё попаду, более чем уверен.

Вниз я спускался ещё более осторожно. Усевшись на свою лежанку ещё раз, снизу, внимательно оглядел тайник. Не видно. Завтра нужно найти другое место, куда перепрятать кисет. И маме тоже сказать.

Наконец я прикрыл глаза и погрузился в себя. Не знаю в чём причина всех этих запретов, которые различаются от Пояса к Поясу, но даже Золак, готовый выполнить любой мой приказ, не мог мне ничего сообщить о том, как должен идти к Небу Мастер. Трёхцветный Указ. У здешних не должно быть таких ограничений. Арнуз сказал, что моего будущего мастера, который занимается и лечением, и алхимией, зовут Фимрам. Ему тоже нужно будет повторять историю про бедного парня, которого шпынял прошлый учитель. Хотя... Стоит ему увидеть, что не разбираюсь в травах и даже свой дух не могу отправить в предмет или лечебный ингредиент... Он и сам всё поймёт.

Тяжело будет мне доказать ему, что я достоин его уроков по Возвышению. Да не Воина, а Мастера Духа. Ничего. Что-то, он да расскажет. Разве может не попытаться дать ученику всего один толчок, которые поднимет его на этап? Пусть расскажет мне как нужно правильно вести свою стихию в технику, чтобы создать её непрерывно без помощи костылей Умножения.

Пока же я раз за разом заставлял нити воды скользить по меридианам, тренируясь в их управлении. Большую часть лечебных техник я отдал маме, свитки лежат в её кисете. Себе же выбрал только Шесть Лепестков Лотоса. Оно сильнее Прикосновения Весны, но слабее Длани Возрождения, которую я скрыл. Удачнее всего то, что первое созвездие Лепестков – шесть узлов.

Сейчас я... Развернул к себе ладонь. Непривычно вместо нескольких обращений к Небу держать в разуме только одно. Или эти обращения существуют на самом деле? Кто знает? Возможно, только те, кто поднялся вплотную к Небу?

Духовная энергия вместе с нитями воды добралась до конечного узла, заставила разгореться обращение невидимым никому светом. И иссякла. Исток запечатало. Очередная неудача.

Я бесшумно перевёл дыхание. Ничего. Кто обещал, что один день на землях Второго пояса и всё получится? Будь это так и стража Саул поголовно была бы Мастерами.

Но предвкушение уже не горело в груди. К дарсу всё это. День и так оказался слишком длинным. Я потянулся к энергии Неба, чтобы возместить то, что потратил, впитать в себя нити стихии и силу, заполнив то, чего до сих пор не хватало после контракта, а затем заняться делом – цзянем и цепочкой.

И не смог дотянуться. Напрягшись, с трудом сумел ухватить хотя бы кроху. То, что раньше вливалось в меня потоком, сотнями светящихся нитей, сейчас превратилось в иссохший ручеёк. Две нити, которые я с трудом сумел втянуть в себя. Остальные кружили вокруг, касались и тут же улетали прочь.

Какого дарса?!

Глава 3

Пока остальные одевались, я, скользнув в угол, занялся другим. Прихватил с собой сложенный в несколько раз кусок старого одеяла. Приподняв половицу, сунул руку в дыру, дотянулся до крысиного отнорка, расшатал надёжно забитый туда камень. Через мгновение в моей руке уже лежал нож, который не оставит на цепочке даже царапины. Пробовал. Вздохнув, подцепил лезвием цепочку, ухватил его второй рукой, через тряпку. Выдох и толчок от себя. Используя всю силу, которой только мог обладать полный Воин и Мастер.

Тонкая цепочка врезалась в шею, я напряг и её, толкаясь от ножа и добавляя силу спины к рукам. Раз, два, три. Лезвие лопнуло, заставив меня покачнуться. На ладони набухла кровью царапина. Скосил глаза. Тщетно. Цепочка цела и вновь без единого следа моих усилий. Осколки ножа присоединились к таким же в кисете. Глупо думать, будто эту штуку можно сломать обычным ножом, но взять в руки меч земного качества для такой пробы я пока не в силах. Мой собственный Указ заставлял мир темнеть и оглушал болью гораздо сильнее, чем сам контракт Саул. С ним-то я ещё мог побороться, а вот...

Но я не сдавался. Те же старики Кадор и Ирал когда-то сумели обойти запреты на техники и передать мне сразу несколько. Да они много чего сумели. И не только они. Значит, сумею и я. Мне всего-то и нужно: взять свой Верный и использовать Звёздный Клинок. В его описании указано, что призрачное лезвие уничтожает всё. На камне в лесу возле Ясеня я уже выяснил, что это преувеличение, но, надеюсь, мощи техники хватит на ограничивающую цепочку. Пока я научился только держаться за рукоять Верного несколько мгновений, воображая, что он учебный и деревянный. Технику же пока создать не в силах. Необходимо напитать всего двенадцать узлов, но я теряю сознание уже на втором.

Нужно больше тренироваться. Жаль ещё и утром этим заниматься нельзя, приходится портить ножи, лишь бы только не сидеть без дела.

– Выходим! Время!

Камень и половица вернулись на своё место. Сверху встал кувшин с водой. Тайник так себе, но я больше переживал, что крыса вернётся и прокопает ещё один ход в тупик с кисетом, чем то, что его найдут люди. У меня всё же тонкая рука, большая часть стражников, уже взрослых и матерых мужчин, не сумеют засунуть свою лапу так далеко в нору.

Проходя мимо женской комнаты, заметил за раскрытыми дверями Лейлу и растрепал ей волосы, которые она не успела заплести в косу. Скорчив рожу на возмущённый писк, выскочил из комнаты и поспешил прочь, на общий завтрак в большой зале, первой от входа.

О чём бы мы ни договорились с Арнузом, но я всегда утром останавливался на выходе, пропуская всех на работы. Проверял, чтобы вышли все мои и все мужчины-слуги. Проходящий мимо Воин, Жикар, которого я бил в первый день, даже не взглянул на меня. И уж давно не попытался задеть плечом или сделать какую-нибудь другую глупость. Помешать ему вернуться сюда раньше себя я не мог. Но каждое утро напоминал своим видом всем, что никуда не делся и вечером обязательно сюда вернусь. Даже если мне предстоит Столб. В крыле утром оставались лишь старики. Среди долговых нашлось ещё две семьи, что попали сюда целиком, с дряхлыми родителями и детьми. Правда, детям скидок Саул не делали и даже их ставили на работы по саду и дому. Всё так же, как и в когда-то безымянной деревне в пустошах.

Я уже не первый раз задумывался, почему семьи, которые решают меня использовать, всегда так похоже называются? Саул и Раут. Меня успокаивало только то, что становились на моём пути ещё и Киртано. Да и не могло же всё объясняться так просто, как имя?

К Арнузу подскочил сухой мужичок, принялся кланяться:

– Старший. Сын приболел, прошу освободить его от работ. Я сделаю всё за него.

Я ухмыльнулся. Умар, его сын, прислуживал вместе со мной, мамой, Марой и Лейлой в Павильоне Дерева. Без особых умений, глуповат, занимался чёрной работой: убирать, помыть, принести или отнести. И пропускал кормёжку только в одном случае.

Арнуз похлопал мужичка по спине:

– Ну что ты, Ракол, разве это беда? Никто из хозяев и не узнает, что нужны были зелья. Сейчас Леград всё поправит.

Мужичок Ракол дёрнулся, открыл рот возразить, но лишь зашипел от боли: Арнуз успел положить руку ему на плечо и сжать пальцы.

А я уже шагал, отсчитывая двери. Здесь? Толкнув, убедился, что не ошибся. В углу под покрывалом кто-то лежал. Я не собирался спрашивать разрешения на то, чтобы войти. За эти недели не осталось тех, кто был не согласен с тем, что я второй по старшинству после Арнуза среди долговых слуг. Да и вхожу в эту комнату я не первый раз. Вообще-то, заболеть даже Закалке не так-то просто. Тем более так, чтобы не осталось сил выйти на работу. Но Умар ухитряется сделать это третий раз за тот месяц, что я живу в поместье Саул.

Сдёрнул покрывало. Знакомые симптомы. Умара трясло, на мокром от пота лице выделялись запавшие и горящие нездоровым блеском глаза. Но в этот раз он хотя бы меня видел:

– Не трогай меня. Не мешай. В этот раз всё получится.

Я с интересом спросил:

– Слушай, я же сказал вчера Маре вылить все негодные зелья. Ты пил из помойного ведра?

Умар схватил меня за руку:

– Ты сам делал точно так же! Прорвался благодаря зельям, а мне запрещаешь!

– Это были зелья для Возвышения, а не...

Умар перебил меня, лихорадочно зашептав:

– Знаю, в этот раз варили лечебные зелья. В них много силы Неба, – я покачал головой, и Умар заверещал. – Мне хватит! Не смей трогать меня!

Я, без труда вырвав руку из слабой хватки, вскинул её над Умаром. Он вскрикнул, попытался сбить её в сторону. Конечно, даже не дотянулся, а через мгновение ему стало не до сопротивления. Несложная техника всего на десяти узлах. Которую я «учу» уже три недели. Не хотелось показывать, что я её освоил, но лень ходить туда-сюда за нужным зельем или пользоваться чем-то другим и более действенным. Даже если до старика Фимрама дойдут слухи, что я использовал эту технику, совру, будто она стала получаться только недавно. Да и то, через раз. На самом деле бесполезная штука, годная только для Закалок.

Но Умар как раз Закалка. Позабыв о слабости, он сорвался со своего лежака и бросился к дверям. Я уступил ему дорогу и лишь проводил взглядом. Ему же лучше успеть выбраться из жилых комнат, убирать за него никто не станет. Когда тебя одновременно тошнит и слаббит живот, приятного мало. Зато останется жив. Среди кабальных уже попадался один умник, который тоже пил пропавшие зелья, чтобы Возвыситься. Давно, правда. Ещё до Арнуза и всех тех, кто живёт в нашем крыле. Но старик Фимрам с удовольствием рассказывал эту историю Маре и Лейле, нагоняя на них страху. А может, это была лишь очередная байка. Только на этот раз не от ватажника Гунира, а от старика-алхимика.

Я вышел в коридор, встретил взгляд Арнуза, но, вместо того чтобы сообщить, что всё в порядке, спросил другое:

– Почему он так уверен, что став Воином, его переведут в обычные слуги и снимут долг? Разве такое случалось?

– Это нужно у Ракола спросить, но я его уже отослал, – Арнуз явно с намёком продолжил. – Может, у них в семье был кто-то, вышедший из Первого? Вот парня и повернуло?

– Так нет?

– Нет конечно. Таланта могут пригласить из простых слуг в семью. Но... Даже ты недостаточно хорош для Саул.

Хмыкнув, я отмахнулся:

– Ну да, конечно, – но сам с подозрением оглядел Арнуза. Какая неуклюжая лесть. Чего это он хочет от меня? – Даже старик Фимрам не упускает случая назвать меня ленивой бес-толочью.

– Он придирается. Ты, похоже, быстро учишь техники. К тому же полный Воин, тебя только учи и учи, не нужно тратить ресурсы семьи на твоё Возвышение.

Я усмехнулся. Меня до сих пор удивляет, как никто не может понять, что Лейла Воин? Словно всем Воинам и Мастерам, что глядели на неё, Небо закрывает глаза. Я отлично вижу, как глубока вода её крохотного озера, пусть она и прозрачна до самого дна. Образ, конечно, сильно отличается от всего того, что я вижу у других. И не только размером озера, но количество силы не может обманывать, я ведь не зря весь этот месяц пытаюсь научиться пользоваться тем, что у меня осталось. И при всём этом, старик Фимрам, Воин восьмой звезды, тыкал в Лейлу скрюченным пальцем, втолковывая, как опасны воинские зелья Закалкам. Заботился о ней.

Что там старик Фимрам, пристроившийся в поместье Саул на непыльную должность лекаря. Ни Домар, ни Сирк, ни Симар так и не поняли, насколько Лейла талантлива. Одно время, когда Домар зачастил в Павильон к Фимраму, мне казалось, что все эти долговые контракты использовали лишь чтобы заполучить в семью именно Лейлу. Но потом понял, что это не так. Какой смысл? Нет. Если бы они видели её Возвышение, то никто бы и не подумал навешивать на нас такие контракты. Если только... Если только им не нужен был талантливый и ничего не умеющий ребёнок ещё для чего-то.

Поэтому я внимательно вглядывался в старика Фимрама, в слуг семьи, что приходили в лекарскую и алхимическую комнаты за помощью. Искал подвох. И находил. Замечал кривые взгляды, странные фразы. Пока выходило уговаривать себя, будто это всё выдумки. Но меня всё это беспокоило. Иногда даже сильнее, чем моя цепочка.

Хотя бы тем, что мне точно не светило снять с себя контракт, доказав Возвышение и перешагнув на следующий ранг. Всё так, как и думал месяц назад – выдав свою ложь, я сделаю только хуже. Дарсова цепочка. За весь месяц я так и не сумел улучшить своё Возвышение как Мастера даже на узел. Мне, привыкшему к медитации и Круговороту, не хватало сил на тренировки.

Вот как сейчас. Я потратил на Умара жалкие крохи своей силы. Боевая медитация должна была бы восполнить эти потери ещё до того, как прозвонят обед. Была бы должна. Сила Неба вливалась в меня таким жалким ручейком, что я едва ощущал эту прибавку. Даже забудь я о работе, усядись на пол прямо здесь и займись полноценной медитацией Возвышения, затраты на технику низкого уровня человеческого ранга я буду восстанавливать около тысячи вдохов. Дела со стихией идут лучше, но техники без духовной энергии не получится использовать. И приходить с утра в Павильон Деревя с пустым средоточием совсем не лучшая идея. Старик Фимрам не дурак.

Арнуз кивнул мне, перед тем как отвернуться и выйти:

– Спасибо.

Драка среди слуг – это плохо. Больной слуга – нехорошо. А ворующий слуга – хуже всего. Так что, я разом уберёг его от двух неприятностей. Мелочь, но именно благодаря подобным мелочам все знают: попробуй обидеть мою семью и Арнуз точно будет на моей стороне. Главное, знать меру в своей наглости среди слуг и усердно помогать Фимраму в Павильоне Деревя.

Поэтому, вбежав в лекарскую, первым делом я заглянул в алхимическую к старику Фимраму:

– Господин, этот слуга виноват. Прошу его простить.

Не знаю, сколько лет морщинистому зеленоволосому, словно обросшему мхом и лишайником старику в синем халате, но он обожает именно такие фразы, когда я говорю о себе так, словно о постороннем человеке. Держа в руке альбарелло, старик Фимрам скосил на меня недовольный взгляд, наморщил лоб и пробурчал:

– Когда-нибудь терпение этого старика лопнет. Этот старик слишком добр к тебе, зря только лечит тебе плечо.

Меня примиряет в этой игре то, что о себе старик Фимрам говорит точно так же. То ли странная привычка из молодости, то ли его разум одряхлел вместе с телом. Но во второе я не верю, несмотря на морщины, сторбленную спину и бороду с длинными усами. Уж слишком хороша его память, когда он проверяет, как точно я заучил очередной рецепт. Старик Фимрам ткнул скрюченным пальцем в мою сторону:

– Слуге пора работать, травы уже заждались этого бездаря.

Я поклонился ещё раз, перед тем как нырнуть мимо Фимрама в комнату, где и работали с заготовками. И не только с травами, но и со всем, что шло на изготовление зелий. Всё же старик Фимрам больше алхимик, чем лекарь. Но в поместье он единственный, кто знает множество лечебных техник и при этом обладает стихией Дерева. И больше внимания уделяет не мне, а маме. Ведь её стихия тоже Дерево. И хорошо, что в волосах Лейлы по-прежнему нет ни одной зелёной пряди.

– Толчи давай, – сварливо заметил в спину старик Фимрам и в сотый, наверное, раз пробурчал себе под нос. – Эх, будь твоей стихией не Вода, а...

И замолчал, оставив, наконец, меня одного. Чтобы он ни говорил, но до появления нашей семьи в Павильоне ему приходилось делать всё либо самому, либо поручать это одному из слуг. Которые тоже не горели желанием работать со ступкой. Травы Фимрам мог перетереть и сам, а к зельям даже Мару начал подпускать не так давно. Слугам же раньше доставались рога, какие-то камни, щепки дерева, лишь чуть менее твёрдые, чем оружейная сталь. Не будь у меня идеальной закалки тела, думаю, я стал бы первым Мастером, заработавшим мозоли. Потому ни один из слуг, особенно простых, не торопился помогать Фимраму.

Даже долговые слуги предпочитали сделать какую-нибудь ошибку в задании, плохо потолочь, получить наказание и забыть про Павильон Дерева и десятки ступок придирчивого старика Фимрама. Даже если наказанием оказывался Столб. Всё потому, что в самую большую ступку влезало полведра рогов и её колотушка была толщиной с руку, а больше первой печати Симар использовал редко.

Я ухватился за отполированную верхушку толкушки и замер. Впервые за все эти дни я увидел в ней не инструмент старика Фимрама, а инструмент своего спасения. Она невероятно прочная, я в этом множество раз убедился. Что будет, если я просуну её между цепочкой и шеей, а потом изо всех сил начну закручивать цепь? Что не выдержит первым? Колотушка для ингредиентов, очень непростая цепь или... шея очень глупого Мастера?

Покашливание старика вернуло меня в действительность и заставило первый раз тукнуть колотушкой. Этот способ разорвать цепь можно будет попробовать вечером, когда все задания окажутся выполнены, а мы начнём убирать Павильон. Нужно только постараться, чтобы старик остался доволен. С этой мыслью я поднял глаза на здоровенный фолиант, который я закрепил на полке так, чтобы мог его читать за работой. Нужно не только натолочь четыре состава, но и заучить четыре зелья и их применение.

Раньше единственным слугой Фимрама был тупица Умар, которому он не доверял ничего, кроме помоев, уборки и разноски подписанных зелий по поместью. Теперь в слугах Павильона половина нашей семьи, как я и хотел. Мама со стихией Дерева, Мара со знанием трав и егоза Лейла, которая могла из охапки никчёмной болотной травы вытащить стебель Серебряного Мирта, вырастающего раз в три года. Ну и их никчёмный брат и сын, который

мог по полдня махать колотушкой, превращая Кровавый Малахит в пыль, а по вечерам раз за разом изображать перед стариком срывы техник, которые он мне доверил. В этом деле мне тоже не хотелось показывать талант, теперь уже назло Саул и я старался оказываться лишь самую малость лучше мамы. Будь здесь хозяином сам старик Фимрам, то я бы, конечно, проявил себя, отплатил за то, что он возится со мной и за...

В комнату вошёл Фимрам, всё так же слегка горбясь. Волосы растрёпаны, разве что морщины на лбу разгладились. Спрятав ладони в рукава, он похвалил:

– Пусть этот слуга и опоздал, но этот старик не слышал ни одной паузы в биении колотушки. Близится удар колокола. Этот слуга может идти и смыть пот перед обедом.

Я последний раз вбил каменный пестик в ступу и с облегчением выпрямился. На миг. Чтобы тут же согнуться перед стариком Фимрамом:

– Этот слуга благодарит господина за доброту.

Но Фимрам уже отвернулся, словно не услышал меня, шагнул к чашам, куда я высыпал готовые порошки.

К этому я тоже привык. Старик учит меня и маму техникам, а Мару алхимии. В сравнении с тем же Симаром старик Фимрам словно не видит в нас долговых слуг. Так что, если он прикажет толочь днями без перерыва, то я буду это делать. Вот этот крупный порошок мне ещё нужно будет перетереть особым каменным диском с ручками. Сделаю. Тем более что, наверно, лучше сегодня показать: я овладел техникой для ослабления живота. Ведь тот же Умар, что мелькнул в коридоре, может проговориться.

В надежде на удачу я сначала завернул к мойне простых слуг. Не повезло: там уже кто-то плескался. Одно дело, когда уже моющегося долгового слугу здесь застанут, другое – войти туда сейчас. Ругани будет в пять раз больше, а если там женщина, то и до стражи дело дойдёт. Пришлось идти сначала на нашу половину крыла. Здесь тоже не было пусто: Жикар со своими прихлебателями. Чего у него не отнять, так это умения отлынивать от работы: освободился даже раньше меня.

Как Арнуз и говорил, мало кто горит желанием попадать в долговые слуги. Кроме тех, кто на самом деле влез в долги и не хочет изгнания из Пояса, готовый терпеть унижения, только чтобы остаться здесь, есть и другие. Это те, кого поймали на преступлениях: всевозможные воры, разбойники, даже убийцы. Вернее, их сообщники, вина которых не столь велика. Говорят, что Жикар как раз из тех, кто несколько лет грабил ватаги и караваны. Поэтому он такой наглый. В их бандах всё решает сила и наглость. Правда, с Арнузом и мной ему не повезло. Ну так и в своей шайке он не был главарем.

Из их банды осталось в живых десятеро. Пятеро выбрали отряд семьи, который охотится на Зверей, а пятеро работу слуг. Так что для меня он ещё и трус, который боится стычки с сильным противником. Я скользнул по знакомым ромам безразличным взглядом. Жикар недовольно покосился, но промолчал. Ну и отлично.

Я сбросил с себя пропитавшийся потом серый балахон, с наслаждением едва ли не нырнул в крайнюю бочку с водой, которая стояла в тени. Прохладно, хорошо. Не знаю названия материала, из которого сделана колотушка большой ступки, но весит она явно две или три сотни мер. Стирая с лица капли, услышал незнакомый голос:

– Не часто мне попадаются такие наглые слуги.

Обернувшись, понял, что в мыльне остался один, а выход перекрыли стражники. Охрана поместья с вышитым щитом на груди.

– Старшие, что случилось?

– Думаешь, у меня нет глаз?

Я обернулся на выразительный взгляд стражника. В шаге от меня на скамье лежал мой серый халат. А сверху его прижимал тяжёлый нож в чёрных ножнах.

Дарсов Жикар. Дарсов трус.

– Старший, это не мой нож.

– Все так говорят. Взять его.

Даже не дали одеться, приволокли к Столбу. Да ещё и нарочно поставили к нему лицом. Сначала я надеялся, что Симара в поместье не окажется и стражники обратятся к старшему среди простых слуг, а он нормальный и справедливый старикашка. Как бы не так. Мы всё торчали и торчали на солнце, а значит дело донесли до Симара и теперь ждём, когда он освободится. Возможно, Закалкам, которых больше всего среди долговых слуг и которых чаще всего и приводили сюда, это ожидание и солнце и казались мучительными, составляя часть наказания. Но для меня? Для идеальной закалки, родившегося в Нулевом? Для того, кто когда-то день за днём прислушивался к себе – отравлен или нет? Смешно. Впрочем, я не улыбался. Стражникам ведь нужно подтверждение того, что наказание сработало? Поэтому я понурился и время от времени косился в небо, показывая им хмурое лицо. Жаль, пот вызвать по своему желанию выше моих возможностей.

– Снова ты? Третий раз за месяц. Почему я не удивлён?

Я поспешил согнуться:

– Господин!

А вот и Симар, тот, кто среди всех членов семьи Саул больше всех радуется за порядок в поместье. Я немного разобрался среди всех этих хитросплетений родственников, замучав Арнуза вопросами. У фракции Саул, кроме главного города, есть ещё три. И Ясень в число этих городов уже не входит. Пустые стены, в которых люди только в поместьях, принадлежащих фракциям. Те самые старшие, которые на два-три дня приезжают в Ясень на открытие Врат и их слуги, что следят за поместьями в их отсутствие. Ещё поместье Саул, несколько кабаков, где стражники всех фракций могут выпить, Дом Услады для них же, небольшой рынок и всё. Поэтому я не видел почти никого с крыши трактира в Первом поясе. Если на той стороне Ясень наполнен жизнью, то здесь это всего лишь побелевший от времени скелет Зверя. Ссылка для тех из Саул, которых оттерли от силы и денег семьи.

Даже на таланты, что пересекли границу формации, Саул рассчитывать не могут. Как бы Домар ни кичился богатством семьи, но на деле они лишь богатые торговцы. В их семье лишь двое старейшин достигли ранга Предводителя. Это ничто. Даже у соседей, Поющих Мечей, подобные старейшины есть в каждом из пяти городов. А ведь есть ещё и Гарой, которые правят всем Поясом. Поэтому на Вратах Ясеня Саул довольствуются лишь обедками. Мной. И моей семьёй.

Симар скривился, оглядывая меня. Явно недоволен тем, что я наполовину раздет. Покачал головой и оценил:

– Беспольный отброс. Всякий раз поражаюсь, почему старший брат вообще решил связаться с тобой. И знаешь, что думаю?

Я лстыиво ответил:

– Нет, господин. Я слишком глуп, чтобы понять мысли господина.

Наклонившись к моему уху, Симар прошептал:

– Я думаю, что он решил посмеяться надо мной. Подсунуть обузу, которую мне даже некуда приткнуть. Приобретение, которое нужно скрывать от глаз клана Гарой. Домар издевается! – Симар отстранился, пихнул меня в плечо. – Обуза. Отброс, который помышляет уку-силь руку, спасшую его от смерти в зубах Зверей.

О! Это что-то новое. В прошлый раз Симар распинался о том, как я непочтителен, что недостаточно низко поклонился госпоже Алетре – жене Домара. Теперь какие-то Звери. Но я уже не новичок из Первого, который лишь собрал воспоминания о Втором тех, кто жил в нём десятки лет назад. Но смолчал об этом, лишь возразил:

– Господин, если вы о ноже, то он не мой. Вас обманывают.

– Хочешь сказать, что стражники лгут мне?

– Ко... – я замолчал, спустя мгновение произнёс совсем другое. – Господин, прикажите мне говорить правду и вам всё станет ясно.

– Какая дерзость!

Симар проорал это мне почти в ухо, оглушая. Отскочил, тыча в мою сторону пальцем:

– Вместо того чтобы умолять о прощении, ещё и смеешь давать мне советы! Тоже знаешь, как мне лучше управлять делами? За это ты должен быть наказан. К Столбу его.

– Господин, я не это...

Довольные, что ожидание наконец прекратилось, стражники тут же оказались рядом, ухватили меня под руки и швырнули к Столбу. Через мгновение меня заперло в алых границах формации. Ещё до того, как её линии принялись пульсировать, я рухнул на колени, невольно охнул. Первый миг всегда самый тяжёлый: словно с тебя рывком снимает шкуру опытный охотник. Наживую. Раз! И вместо задубелой, привычной к жаре шкуры у тебя одно голое мясо, которое тут же начинает печь солнце. Спине сейчас приходилось хуже всего. Ближайший стражник скалился, пятясь от меня и глядя мне прямо в глаза. Сейчас я не сомневался – они не дали мне надеть халат слуги нарочно. Знали, что так мне будет больней.

Симар с ненавистью процедил:

– Чего у тебя не отнять, так это наглости. Другие орут, просят о милости. А ты даже пытаешься выпрямить спину. Ничтожество. А так?

Рука Симара шевельнулась, медленно поднялась на уровень груди. В красном круге вокруг меня появился вписанный в него шестиугольник.

На плечи рухнула тяжесть. В первое наказание у Столба мне казалось, что мне на спину прыгнул один из стражников, пытаюсь сломать мне рёбра. Теперь я знал, что так действует вторая печать Столба.

Дышать удавалось с трудом, короткими неглубокими вдохами. Главное не свалиться и не менять позу. Каждое движение будет наказано новой болью.

– Молчишь?

Тварь. Сил бороться с налившимися тяжестью веками уже не оставалось. Я едва видел Симара сквозь узкие щёлочки, то и дело его фигура перекрывалась алыми пятнами. Тварь. Хочешь победить? Хорошо. Вместе с выдохами вытолкнул из себя:

– Господин... молю... о пощаде...

Симар покачал головой, фигура его расплывалась, но голос я слышал отчётливо.

– Какой упрямый слуга. Какой опасный. И нож он наверняка украл, замышляя убийство.

Рука Симара снова начала подниматься. Третья печать? Сумею ли я её выдержать?

Сумею. Я десятая звезда Воина. Идеальная закалка. Я держал Круговорот, истекая кровью. Я убил двух старейшин и двух комтуров, когда был гораздо слабее их. Придёт черёд и Симара, тем более что он не так уж и сильнее меня. Главное не глядеть на него и не дать почувствовать мою жажду его смерти. Опустить глаза не успел.

Передо мной появилась спина в знакомом синем халате, заслоняя Симара.

– Этот старик просит молодого главу успокоиться. То, что у этого слуги много наглости, совсем не означает, будто он негоден ни для каких дел. Старик просит остановить наказание.

– Старик Фимрам, тебе какое дело?

– Этот слуга работает в Павильоне старика, как ему может не быть дела до его слуги?

– Мечтаешь, чтобы однажды он воткнул тебе в бок нож?

– Молодой господин думает лишь о плохом. Этот старик прожил долгую жизнь, уверен, слуга не сумеет нарушить контракт.

– Да ладно?

Я приготовился к новой волне боли, но вместо неё услышал недовольный возглас:

– Старик, отпусти руку!

– Этому старику надоело уговаривать молодого главу. Этот старик скажет прямо. Этому старику Домар обещал не только Павильон и ежемесячное обеспечение, но и ученика.

– Тебе давали ученика.

– Тогда почему его нет рядом с этим стариком?

– Иди к брату и заberi его из отряда. Если твой ученик предпочитает вино и женщин, то я здесь при чём?

– Домар уже дал этому старику новых учеников. Пусть они совсем не таланты, но этот старик доволен. Он уже очень стар, ему некогда ждать подарка Неба.

– Старик, я выпалываю сорняки среди твоих слуг. Останутся те, что спокойней и старательней. Ты должен быть мне благодарен.

– Этот старик благодарен за заботу, но просит молодого главу забыть о том, что случилось с этим слугой.

– С чего бы? Отпусти руку, пока я не забыл о вежливости к твоему возрасту.

– Три года этот старик лечит стражников лесного отряда, тратя свои невеликие силы, позабыв свои алхимические изыскания, варит зелья ящиками, словно подмастерье...

– Вот и иди к брату. Он в обеденном зале льёт в уши отца очередную бредовую идею, даже не заметил, как я ушёл.

Голос старика Фимрама стал тихим и вкрадчивым:

– Этому старику напомнить, что он варит этому молодому главе?

Симар заорал:

– Чего уставились? Пшли вон! Быстро! Бездельники, что роняют везде свои ножи.

Похоже, это он стражникам. Сил повернуть голову не осталось. Никогда вторая печать Столба так долго не наказывала меня.

– Молодой глава мудр. Старик устал работать в Павильоне один. Он боится, что через неделю у него не останется сил заняться сложными зельями. Этот старик просит молодого главу закончить наказание и позволить слуге вернуться к работе. У меня ещё много работы для выносливого и крепкого слуги.

– Только из-за того, что об этом просишь ты, старик.

– Конечно, молодой глава. Этот старик очень благодарен мудрому главе и постарается с зельями.

Тяжесть и боль исчезли в один миг. Я с облегчением повалился ничком. Просто лежать на камнях, освободившись от этой жуткой боли, уже стало невероятным счастьем. Мысли едва перекачивались в голове. Дарсов Симар, дать бы тебе на своей шкуре почувствовать наказание Столба. На кого он вообще рассчитан, если всего второй печати хватает, чтобы я оказался на краю выносливости? И сколько у Столба этих печатей?

Раздался хриплый, непохожий на себя, усталый голос старика Фимрама:

– Вставай.

Я оперся руками о камень. Толкнулся. И снова уткнулся лицом в пыль. Из рук ушла сила, они дрожали и подгибались, не могли поднять жалкие шесть десятков мер. Особенно из правой, словно и не было этого месяца лечения десятком разных составов и мазей.

Если бы я здесь был один, то зарычал бы от злости и ненависти. К самому себе. К телу, которое меня предавало. Но я сдержался, сумел подняться на четвереньки, затем встать на колени. Двор наказания оказался пуст. Здесь остался лишь старик Фимрам. Я упёрся ладонями в колени и сумел изобразить поклон:

– Этот слуга благодарит за спасение.

– Сегодня отдыхай. Твоя помощь в Павильоне мне не нужна.

Только когда Фимрам уже шагнул прочь со двора, я понял, что он говорил со мной без обычных странностей. Оказывается, может без всего этого. Хотя тело с каждым мигом слушалось всё лучше, я не стал возражать против отдыха. За последние недели это первый мой

отдых. Жаль, что он заслужен не столько упорной работой или успехами в запоминании рецептов зелий, сколько наказанием.

Мою рубаху стражник швырнул у стены. Хорошо, не потоптался. Я отряхнул её, но надевать не стал. Сейчас она оказалась чище, чем я сам, успевший поваляться в пыли давно немётого двора. Так, обнажённый по пояс, прошёл по крайней дорожке вдоль стены господской части поместья, в крыло слуг. Долговые собраны все в одном крыле здания, а простые разделены по всей оставшейся половине. Но ближайшие к границе зелени и двора комнаты пусты. Слуги держатся от нас на расстоянии. Если для нас самое большое наказание – Столб, то для них – долговой контракт.

Спокойно пройти в свою комнату не удалось. В широком коридоре оказались и Марвит, и Леги. Арнуз поручал всем старикам следить за порядком. И наши ни разу не отказывались от своей очереди.

Если Леги только начала тереть пол и стояла ко мне спиной в дальнем конце, то Марвит находился ближе, гоняя метлой паутину на балках. Тут же охнул:

– Это чего с тобой?

– Тихо.

Поздно. Леги тут же обернулась на шум, а через мгновение уже оказалась рядом.

– Леград, что с тобой?

– Столб.

Марвит зло зашипел:

– Сопляк, сколько ты ещё будешь про свою силу вспоминать? Если уж решил притворяться, то...

Леги стеганула его тряпкой:

– Марвит, рот закрой!

Тот пихнул в ответ метлой:

– Ты бабка ополоумела, рот мне вечно затыкать?

Я не выдержал:

– Да тише вы.

– Ещё и ты, сопляк, – Марвит швырнул метлу под ноги. – Какого дарса ты нас сюда притащил?

Снова оправдываться я не собирался.

– Жикар подкинул нож и позвал стражников.

Теперь шипела Леги:

– Трусливое отродье.

Я махнул рукой, отгоняя их с пути:

– Старик Фимрам отпустил меня. Дайте спокойно лечь.

– Дай хоть кровь с лица сотру.

– Что?

Я пощупал лицо, обнаружив под носом и на подбородке запёкшуюся корку. Послушно дождался, когда Леги принесёт чистую тряпицу и вытрет меня. Но в комнату её не пустил, закрыл перед стариками дверь. Ноги держали всё хуже и хуже. Обернув к себе ладонь, я по очереди использовал все известные лечебные техники. Уже через десяток вдохов в голове прояснилось, а в ногах появилась сила. Но всё равно на свою лежанку рухнул. Думаю, если бы дело было только в этом, то старик Фимрам подлечил бы меня ещё у Столба.

Подумав, протянул руку в сторону, дотягиваясь до игрушечного домика, выстроенного из камешков. Нужный мне выкрашен в красный моими же руками. Осторожно потянув, вытащил его из неровно сложенной Лейлой стены, сжал в кулаке.

Через мгновение я уже стоял на вершине скалы и глядел на колышущийся вокруг лес. Первый раз входя в пространство жетона шэна, я надеялся, что в нём не действуют мои ограни-

чения. Как не действовал Указ Ордена о техниках. Надежды оправдались. Вовне я мог сколько угодно перебирать в памяти свои техники, размышлять о них и мысленно составлять новые. И только. Здесь же я мог их использовать. Но чаще всего упражнялся в той технике, которая оказалась вписана в жетон, и сама с первого дня предлагала мне тренироваться в нём. Единение со Стихийей.

Уже на первой тренировке я понял, почему не мог открыть свиток этой техники, пока был Воином. Воину эта техника бесполезна. Мало того что необходимо было отправлять в узлы не духовную энергию, переработанную из небесной, а саму стихию. Так, кроме этого, требовалось поддерживать циркуляцию. И не обычную, привычную по Формам или техникам, а совершенно иную.

Каждая Форма – это циркуляция по замкнутому кругу. Достаточно влить духовную энергию один раз и затем нужно лишь следить, чтобы её течение не замедлялось, а продолжало следовать по руслу Формы с неизменной скоростью. Словно мешаешь суп в чане, главное, не останавливаться.

Каждая техника в исполнении Мастера – это непрерывное вливание в неё духовной энергии, смешанной со стихийной. Это больше напоминало водопад. Пока исток реки может снабжать его водой, то вода будет с рёвом падать с высоты, оборачиваясь техникой.

Единение со стихией было сложнее. Следовало использовать только стихийную энергию, проведя её из средоточия к нужному узлу, а затем её же необходимо было вернуть по этому же меридиану обратно. Создать в одном и том же меридиане два течения, два потока, которые должны течь в разные стороны и не смешиваться, не мешать друг другу.

В первом созвездии Единения со Стихийей перечислялось тридцать узлов. Техника, которая может стать доступной только Мастеру третьей звезды. Впрочем, я сомневался, что он сумеет использовать эту технику в полную силу. Перед тем как шагнуть через формацию границы Поясов, я мог считать себя сделавшим больше половины шага от Мастера первой звезды к Мастеру второй звезды. Я мог непрерывно использовать технику с пятью узлами.

В Единении... Я не мог использовать и один узел.

Вся сложность заключалась именно в этом двойном потоке стихии по меридиану. Но сейчас это оставалась единственная техника усиления, которую я хотя бы мог использовать. Или попытаться использовать. Ведь, кроме пути обмана Указа, можно продолжать идти и по пути грубой силы. Кто знает, где граница прочности цепи на моей шее и не нужно ли будет бросить на весы камень и с этой техникой? Если я прав в своих предположениях, то техника Единения особенная, достаточно будет использовать хотя бы один узел и это уже сделает меня сильнее. Пока что, я пробовал только зелье силы, два дня едва ползал после него, но за двести вдохов порвать цепочку так и не сумел.

Есть ещё один путь. Который подсказал мне пестик. Старик Фимрам вроде неплохо ко мне относится. Можно поискать в Павильоне что-то, что поможет мне перепилить цепочку. Должен же быть там ещё инструмент, кроме той здоровой тёрки, что я уже видел? Что-то в каморке старика, куда он никого не пускает. Что-то, чем он, может быть, натирает особо твёрдые минералы или ядра. Или какой-нибудь невероятно едкий состав из тех, которыми травят узоры на металлах. Мне и нужна-то всего одна ночь, чтобы проверить свою идею.

Сейчас я сожалел о том, что забыл вернуть набор отца. Глупо, конечно. Единственной стоящей вещью в нём были пробойники из Лыистой Стали. То же зубило расплющилось бы при первом же ударе по цепочке Второго пояса, раз уж её даже не царапала сталь Первого пояса. Но сожаления оказались такой штукой, от которой так легко не избавиться.

Отбросив посторонние мысли, я сотню вдохов вслушивался в шум ветра среди веток лесных великанов. Успокаивал себя, отдыхал. От тяжеленного пестика, которым пока приходилось махать одной рукой, от постоянных поклонов, от положения долгового слуги. По сути, это те же самые зелёные балахоны, о жизни которых я так старался забыть в Первом. Трусил,

если честно, говорить с собой. Закрывал глаза на ту сторону жизни Возвышения. Отбросы, которые не сумели. Часто потому, что им даже не дали такой возможности. Я отомстил за Азо, убив того, кто был виноват в том, что его обделили настоящим зельем Возвышения. Но узнает ли он об этом? Хватит ли этого, чтобы утолить его ненависть к тем, кто стал Воином и пошёл к Небу? И нужно ли это ему сейчас? Может, он уже давно мёртв?

Почувствовав, что вместо того, чтобы успокоиться, я лишь завожу себя, открыл глаза, оглядел пространство жетона Древних. Красиво. Этого достаточно.

Ухватил одну нить Воды, медленно, не торопясь, повёл её к первому узлу. Влил её в него, заставил озариться в моём духовном зрении голубым. Один круг, два круга, заполняя узел и подчиняя себе стихию окончательно. Сейчас. Нить послушно покинула узел, двинулась обратно. Несколько мгновений я удерживал обе части нити в равновесии, буквально раздвигал по разные стороны меридиана, а затем они дрогнули, вырвались из-под моей власти. Мгновенная заминка и нить слиплась в клубок, который перекрыл весь меридиан. В такие моменты я жалел, что они так узки: будь чуть шире, возможно, у меня бы уже получилось. Но я не слышал, чтобы меридианы отличались толщиной. Или не спрашивал?

С разочарованием откинулся на камень утёса. Первый узел созвездия – самый ближний к средоточию. И даже с ним у меня ничего не выходит. А ведь нить нужно не только вернуть в средоточие, но и её же дотянуть к другому устью и вести к новому узлу, сплетая всё созвездие техники одной нитью. Пока эта задача кажется мне невозможной. Точно так же, как и взятие второй звезды Мастера.

Одна часть тренировок пока закончена. Теперь пора заняться взятием другой вершины. Жаль, но Указы, созданные здесь, в лесу жетона, исчезают бесследно, стоит мне выйти. Да и на старые я влиять никак не могу. Я уже несколько раз по мелочи проверил прочность своего контракта. Больно, но терпимо. Никакого сравнения с той болью, которая настигала меня за нарушение моих Указов. Вот куда я день за днём в Первом поясе вливал силы, не жалея. Дурак. К чему? Лучше бы потратил больше времени на раздумья. Достаточно было внести в Указ страховку, как я делал это с Рокием, которого Ирам отправил к отцу за деньгами. Ему я дал месяц. Кто мешал мне вплести в свои Указы такое же ограничение? Тогда я уже оказался бы свободен.

Сейчас проблема в том, что я невольно стонал, когда оказывался не в силах продолжать себя обманывать с оружием, с мечом. А ведь мне нужно будет ещё и вести энергию к узлам техники. Двенадцать узлов. Я могу половину народа в нашем крыле из сна вырвать.

К счастью, у меня нашлась ещё одна техника, которую я не учил, не вносил в запреты, и которая не являлась боевой, как записано в одном из условий моего Указа. Мало того что я мог её применять в любое время, не опасаясь Указов, так она ещё оказалась и невероятно к месту.

Вуаль Ветра. Та техника, которую мне отдал в дар Золак. Она должна заглушить мои невольные стоны. До познания оставалось не так много. Но в идеале нужно будет держать её всё время, пока я обманываю себя, примериваюсь Верным и веду энергию по созвездию Клинка. А дело это явно будет небыстрым. Мне бы научиться мастерски исполнять техники в шесть узлов. Эту самую Вуаль и тогда...

Посторонний звук нарушил тишину леса. Знакомый звук. Скрип входной двери. Я бы давно мог её смазать. Как и Арнуз отдать такой приказ любому из слуг. Но она до сих пор скрипела, своим звуком предупреждая всех нас о гостях. Сейчас она всего лишь сообщает, что мои соседи возвращаются с работ.

Я подхватился с лежака. Слабости в теле давно не осталось. Схватил мокрую тряпку из миски, что оставила Леги, ещё раз протёр лицо, обтёр тело от пыли. Поспешно отряхнул шкуру, на которую завалился, как пришёл.

Всё это, конечно, не поможет, стоит Леги или Марвиту сказать хоть слово. Поговорить со стариками я ведь не успел, а вернее не захотел. Дарсов неженка!

Шум за дверями подсказал, что вернулись не мои. Шанс. В два прыжка я выскочил из комнаты, поскрёбся к старикам. Затем проскользнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

– Марвит, Леги. Не хочу, чтобы о том, в каком виде я вернулся, стало известно. К чему остальным волноваться?

Марвит пожевал губами, буркнул:

– Иди уже.

– Ты согласен или нет?

Леги за спиной Марвита замахала мне рукой. Я приложил ладонь к груди, чуть поклонился и выскользнул прочь. Успел даже вернуться к себе.

Первым делом мама кинулась меня осматривать, не дала встать. Я лишь усмехнулся:

– Ну чего ты? От Столба следов не остаётся.

– Скажи спасибо Умару, который видел, как тебя уводили.

Я серьёзно кивнул:

– Скажу. Прямо сейчас.

Но первым в полутёмном коридоре я увидел Жикара с его приятелем. Тем самым, которому я уже ломал руку, тем самым, что сегодня тоже был в мойне.

Первым моим желанием было пройти мимо, а утром снова немного опоздать к старику Фимраму. Много ли мне нужно времени, чтобы сломать пару рук?

Второе, о чем я подумал, что вряд ли старик Фимрам будет каждый день хватать одного из Саул за руки и грозить лишить зелий. Мало ли у меня в этом поместье счетов? Будет одним больше.

Дрогнул они при виде меня, отступи к стене, я бы так и сделал. Но Жикар словно не заметил меня, а затем и вовсе зашёлся смехом с приятелем.

Тварь.

И я шагнул навстречу, ухватил Жикара за шею, вбил в стену. Его приятеля пнул так, что он улетел ко входу в крыло через весь коридор. Точно так же, как когда-то летал закалка Вартус от пинка взбешённого Орикола.

– Ты чё?! – вылутился на меня Жикар, а едва я улыбнулся, захрипел. – Арнуз!

Я презрительно усмехнулся и поднял Жикара повыше:

– А сам ответить за себя не можешь? Обязательно старшего звать?

Жикар попытался разжать мою хватку:

– Бешеный придурок, пусти.

– Зачем ты подкинул мне нож?

– Какой нож? Ты рехнулся?

– Тот, из-за которого мне едва не досталась третья печать у Столба.

Жикар побелел, освободил одну руку, принялся бешено махать ей:

– Это не я! Знать ничего не знаю.

– Думаешь, поверю? Трусливое отродье, не можешь справиться сам, решил воспользоваться стражниками?

– Чё? Точно! Стой, Леград! Откуда у меня нож? И с чего бы им помогать мне?

– Мне откуда знать?

– Это не я, не я!

Я застыл на миг. Как было просто раньше, когда можно было взять в руки Пронзатель и решить все с врагом раз и навсегда в битве. Можно было бы обойтись и без этого. Ради такого дела я бы заставил Жикара говорить правду. Но что мне делать теперь? Как проверить его слова?

– Леград, что за нож?

Я повернулся к Арнузу, который спокойно стоял в двух шагах от меня. Буркнул в ответ:

– Не приглядывался. Большой, в черных ножнах.

– Черные у лесовиков. Их сейчас нет в крыле стражников. У них выход за ядрами.

Я встряхнул Жикара:

– Значит, он оттуда и взял.

– Его не выпускают из крыла слуг. Если бы нож на самом деле украли, то из тебя бы выбили, из чьей комнаты ты его украл, да и двумя печатями ты бы не отделался.

Я не стал говорить Арнузу, что за меня заступился старик Фимрам. Он или знает об этом сам или ему ни к чему такие подробности. Но в его словах была правда. Похоже, Симар знал, что нож никто не брал и не собирался узнавать у меня правду. Она ему была не нужна. Выходит, он это устроил сам? С чего простой долговой слуга удостоился такой чести? Или дело в том, что я слуга его брата? Они не ладят? Старикашка Сирк меня не любит, Симар меня не любит. Вот и не верь в то, что все дело в именах.

Вздыхнув, я отпустил горло Жикара, сообщил ему:

– Извиняться не буду. Все это не проверить. Но стоило тебе выйти из мыльни, как вошли стражники и на моей одежде лежал нож.

Жикар прохрипел:

– Не я.

Я согласился:

– Значит, не ты.

Шагнул прочь. И надо же было этому Жикару попасться мне на глаза? Где этот Умар?!

Глава 4

– Вот, – мне под нос сунули здоровенную каменную ступку с чем-то, больше похожим на... лепёшки джейра. – Этот состав слуга должен смолоть особенно тщательно.

– Понял.

Старик Фимрам ухватил из ближайшей ступки здоровенный пестик, тот самый, что вчера оказался крепче моей шеи, переспросил:

– Кто понял?!

Я поспешил исправиться:

– Этот слуга всё понял.

– Что такой глупый слуга может понять? – пестик отправился на место, по лбу старика Фимрама снова пролегли морщины. – Круговыми движениями по ходу солнца. Не останавливаясь ни на миг, пока горит средняя палочка.

– Что горит?

Старик Фимрам фыркнул, ухватил с полки штуку, которую я считал подставкой подо что-то. Ей она и оказалась. Подставкой под тонкую чёрную палочку. На пальце Фимрама вспыхнул огонёк, и палочка начала дымиться. Заметив гневный взгляд Фимрама, я подтащил каменную ступку, ухватил пестик и принялся перетирать состав. Как и было сказано – по ходу солнца, заполнив комнату скрежетом. Стоило размолоть на куски неприятно выглядящие лепёшки, как оказалось, что они не столько из травы, сколько из чего-то больше напоминающего каменное крошево или осколки потемневшей от времени стали. Осторожно, не поднимая глаз, спросил:

– Этому слуге интересно, сколько вдохов горит эта свеча?

– Откуда у этого старика время считать вдохи, чтобы развлечь слугу? Старик слышал, что развлекать должны его. Пусть этот слуга сам следит за временем, да читает сегодняшний урок.

Фимрам ткнул пальцем в тлеющую палочку и вышел. Через несколько мгновений уже что-то выговаривал... Маре. Слов не было слышно даже мне, для этого пришлось бы прижаться ухом к стене. В Павильоне большая часть стен тонкие, но не те, что отделяют комнату со ступками. Это, наверняка, чтобы не беспокоить шумом больных или самого Фимрама. Но тонкий голосок Мары узнавался легко. Голоса мамы или Лейлы звучат по-другому. Да Лейла ещё ни разу и не получала выговора от старика Фимрама, до этого ей больше перепали сладости. Хотя он сегодня не в духе, лучше и ей держаться подальше от него.

Первая сотня вдохов далась тяжело. Так всегда, когда каменный пестик только-только начинает перемалывать состав. Большие угловатые крупы дробились и скрежетали, заставляя меня прикусывать губы. Кажется, ничего особенного, но этот звук вкручивался в голову, полз по черепу и почему-то обрывался в зубах, заставляя их дрожать следом за движением пестика. Это не больно, но очень и очень неприятно. Кто обещал, что работа слуги в Павильоне будет легка?

Не могло быть и речи, чтобы сосредоточиться на чтении, хотя фолиант вот он – под боком. Меня едва хватило, чтобы найти в нём место об этих палочках, в горении которых измеряют время.

Выходило, что малая палочка сгорает за тысячу вдохов. И в сутки вмещается их пятьдесят. Средняя горит около шести тысяч вдохов и в сутках их восемь. Большая горит двенадцать тысяч вдохов, и за сутки сгорает четыре таких палочки.

Чтобы отвлечься от скрежета, я внимательно оглядывал полки. Пусть еще один способ не удался, мне по-прежнему нужно что-то, что поможет распилить цепочку.

Сотни горшков и горшочков, глянцево блестящих в лучах солнца альбарелло, разнообразных сосудов коричневого стекла. На каждом приклеена бумажная полоска, каждая подписана. Чаще всего совершенно непонятно для меня. Кр. Стар. К. Чаги. Т. п. 6-ти 7-цв. Старик

Фимрам много рассказывает про растения, растущие во Втором. Что-то по книгам, но многое и вживую. Третью Павильона Деревя отдали под огромную, тёмную, без единого окна комнату, где пахучими пучками всё занято от пола до потолка. Возможно, потом дело дойдёт и до составов из них, тогда я, а скорее Мара, узнает все эти обозначения.

Старик Фимрам удивительно многому учит нас, долговых слуг, даже изготовлению зелий. Особенно с тех пор, как Мара стала Воином. Про себя я сразу сказал ему, что это бесполезно, но старик не сдаётся. Даже заступился у Столба. Возможно, хоть с ним мне повезло, когда я придумывал глупую историю для прохода через Врата. Во всяком случае, он даже несколько раз спрашивал, какую из лечебных техник Воды хранили в семье, которой я служил. И спокойно, лишь покивав, принял мой ответ: старый господин говорил, что рано знать.

Через сотню вдохов от крупных гранул не осталось и следа. Круговые движения пестика превратили их в мелкие округлые песчинки. Теперь дело за малым: продолжать перетирать, делая помол ещё тоньше. Скрежет стих, стал едва слышным, а я всё так же старательно давил на пестик, проворачивая его в чаше. И конца работе пока не видится: у палочки истлела лишь верхушка. Быть может, одна двадцатая палочки. Похоже, что она будет гореть не меньше двух тысяч вдохов. К этому времени ингредиенты в чаше превратятся в тончайший, похожий на пепел, помол.

Старик вошёл точно в тот момент, когда тонкий дымок от палочки начал прерываться и слабеть. А ещё говорил, что не считает вдохи. Но я встретил Фимрама с улыбкой и поклоном, протягивая ему каменную чашу с перетёртым составом.

Фимрам подхватил чашу, потёр порошок между пальцев, затем лизнул, только чтобы через мгновение сплюнуть. Я бы и сам не удержался, помня, как выглядело изначально содержимое чаши. Но... Дарсов старик, мне здесь ещё прибираться!

– Сойдёт, – весь порошок старик тут же пересыпал в очередной горшочек, с уже подписанной бумажкой. Затем Фимрам швырнул мне чашу обратно и махнул рукой. – Пусть этот слуга отложит ступку. Пусть лучше расскажет старику, как у него дела с техниками?

Я не удержался от облегчённого вздоха, отставляя на стол чашу и пестик. Какой отличный момент для признания:

– Этот слуга сумел освоить технику Чистого Тела.

– И как она?

– Быстро действует.

Фимрам цыкнул, ухватил с полки стальную тёрку, я только и успел, что подставить спину под удар:

– Этот слуга глуп. Разве старик давал ему поручение применять технику?

Потирая саднящий бок, я буркнул:

– На одном из соседей. Этот слуга не посмел использовать её на ком-то ещё.

– Раз глупый слуга управился с этой техникой, то и кровь останавливать научился?

Я лишь молча кивнул, поглядывая на тёрку. Фимрам проследил мой взгляд, хмыкнул:

– Этому старика в молодости учили палками. Помнится, и впрямь быстрее запоминалось.

Проверить старые методы? Может, и из такого дурня выйдет толк?

– Как этому господину будет угодно, – я согнулся в поклоне.

Над головой загремела тёрка, возвращаясь на своё место. Фимрам буркнул:

– Стражники сообщили, что в город вернулся лесной отряд Домара, и дела у них плохи.

Открывай большой зал.

– Слушаюсь.

Самое большое помещение я до этого только убирал, ни разу сюда не вносили раненых. Ранения, с которыми не справлялись зелья, на тренировках стражников редки. Чаше в Павильон приходили господские слуги со списками зелий, которые потом им разносил Умар. Не зря же Фимрам большую часть дня занимался алхимией. Но сегодня явно всё будет по-другому.

Я раскрыл высокие двери в зал, смахнул с широких столов и скамей возле стен пыль. Подумав, распахнул и главные двери. Вовремя.

Отсюда отлично видны ворота, к которым мне запретили приближаться. На моих глазах их открыли, и в господскую часть поместья потянулась цепочка стражников. Мгновение и крошечные фигурки для меня приблизились, предстали во всех деталях. Порванные в клочья доспехи, кровавые пятна. Многих тащат под руки товарищи, кого-то и вовсе несут на тканевых носилках. Я пробежал к комнате старика и сообщил:

– Господин, пришли!

Фимрам промелькнул рядом, техникой промчавшись мимо меня, оказался сразу посреди коридора. Не обнаружив никого у входа в Павильон, мрачно уставился на меня. Я же не ожидал, что обычно медлительный старик так рванёт! Поэтому тут же юркнул в зал, принявшись поправлять скамьи подальше от недовольства старика Фимрама. Но его приказ догнал меня и здесь:

– Пусть этот негодный слуга принесёт в зал два больших короба со стихийными зельями. Живо!

Я выскочил обратно. Поклонился спине Фимрама, кинулся в лекарскую выполнять приказ. Бросил взгляд налево, затем направо. О чём говорил старик, понял сразу. В этом шкафу одна из широких полок занята шкатулками всевозможных размеров, но с одинаковым содержанием: светящимися в лучах Светочей зельями пяти цветов. Очень похожих на Стихийное Единение, которое я получил в Миражном. Но не оно. Явно не оно. Об этом говорило и совсем слабое свечение фиалов, и их огромное число. У двух больших коробов оказались даже ручки для переноски. Один из них я поставил на первый стол слева, другой справа от входа.

Несмело уточнил:

– Этому слуге позвать его мать?

На этот раз старик Фимрам буквально зарычал:

– Мало того, что бездарь в познании, так ещё и пустоголовый. Сестру ещё позови. Не вздумай!

Взгляд старика на миг придавил меня к полу. Меня, Воина, чьё Возвышение выше его! От неожиданности меня качнуло, а когда тяжесть исчезла, я тут же нырнул за дверь, скрываясь. И уже там несколько мгновений пялился в стену. Что это было и почему старик так взбеленился? Второе не так важно. Как? Неужели запрет на боевые техники так на меня влияет? Или я слабну под этой цепочкой?

Только через десяток вдохов раздался недовольный голос Фимрама, который лишь сейчас дождался посетителей:

– Закалок направо, Воинов налево.

Теперь мне не нужно было гадать, что же там за раны такие, раз зелья ничем не сумели помочь. Всё видел своими глазами и впервые наблюдал такое зрелище. В моей жизни случалось множество схваток со Зверями и людьми, я сам получал множество ран, наносил их другим. Но такое...

Больше всего это напомнило мне жизнь в Нулевом. Когда все вокруг были только идущими к Небу жалкими Закалками, раны которых могли долго кровоточить или даже воспаляться, если охотник запустил их. Направо клали Закалок, обмотанных окровавленными тряпками. А слева на столы с носилок перекладывали Воинов.

Старик Фимрам разливает своё варево десятками фиалов, которые Умар ящиками уносит в крыло стражников. И всё же сейчас стражники лежали передо мной с кровоточащими ранами, словно у них на выходе не осталось ни единого зелья. Но я видел, что это не так. Пусть пояса стражников сильно отличаются от поясов ватажников, но ряды пробок разной формы спутать нельзя ни с чем. Половина кармашков лежащего передо мной стражника пусты, но две округлых пробки лечебного зелья на месте. Почему не залил ими рану ещё раз, если с первого

раза не помогло? Всё же два зелья одновременно можно выдержать, как бы ни было больно. Какого дарса с ними там произошло? Я перевёл взгляд направо. И зачем в эти леса берут Закалок? Волки не занимались подобными глупостями.

Голос старика Фимрама вырвал меня из размышлений:

– Чего уставился? Твои Закалки. Повязки снять, промыть отваром Сильфания. Если кровоточит, то сначала используй технику Пальца Нимиры до тех пор, пока не остановишь кровь, затем свою лечебную технику, после на рану десять капель Сердца Тигра и дай его глоток внутрь...

Старик Фимрам замолчал, обернулся ко мне. Сам он делал то же самое, что поручил мне: сдирал со стражника повязки. Прищурился и закончил:

– Потом смотри по ране. Если Вода, то используй Огонь, Огонь – Вода, Ветер – Земля и наоборот. В рану те же десять капель.

Ещё ничего не понимая, я склонился над первым стражником, оттолкнул в сторону руки, которыми он зажимал бедро. Раньше, чем он сообразил, выхватил у него из ножен нож и просто разрезал окровавленную и засохшую повязку. Нож тут же улетел в сторону, под руку стражнику, чтобы он не орал: долговой оружие схватил. Повязка хрустнула и сползла, как кожура с перезревшего драконьего плода, выпуская из-под себя кровь. Скверная рана. Огромный коготь рассёк бедро едва ли не до кости. И рана кровоточила. Больше того, я, наконец, понял о чём втолковывал мне старик Фимрам – от раны вверх и вниз по жилам ползли зелёные нити. Когти Зверя оставили после себя духовную отраву.

Стражник ухватился за меня:

– Собрат-лекарь, спаси меня!

– Сейчас, руку отпусти!

Я строго следовал распоряжениям Фимрама. Прозрачный настой Сильфания на миг промыл рану, открыв тёмно-красный развал плоти. Но ни техника Пальцев, что останавливала кровь и использованная четырежды подряд, ни моё Прикосновение Весны не сумели этого сделать. Наплевав на указания старика Фимрама, я даже плеснул в рану Сердце Тигра. Больше, чем он приказал отмерить. Бесполезно. Пусть техники на пять и десять узлов очень слабы, но Сердце – это Воинская алхимия и до этого я считал, что оно даже сильнее орденового зелья Заживления Ран. Несколько мгновений я тупо глядел на зелёные нити под кожей стражника, а затем додумался спросить совета:

– Кровь не останавливается.

– Значит, духовный яд уже поразил сосуды. Изгони его из тела, затем пробуй снова.

Я скривился. Легко сказать – изгони. Я уже потянулся за фиалом в ящике, как сообразил, что о зелёном яде старик ничего не сказал.

– Что этот слуга должен использовать против Древа?!

– Что угодно кроме него!

Ответ заставил меня обернуться и ещё мгновение пялиться в спину Фимрама. Это как? А что если я встречу в ране Лёд или Сталь, или Свет? Да мало ли я видел в своей жизни редких стихий? Они у Зверей, кстати, чаще, чем у людей встречаются.

Но я молча ухватил из ящика первый фиал, что мне попался под руку: красный с символом Огня на боку. Глоток стражнику, который он едва сумел сделать, десять капель в рану. Никаких изменений. Кровь так и продолжала сочиться, заливая стол и собираясь лужей под стражником, уже почти начала капать на пол. Да и с зеленью под кожей ничего не происходило.

– Не помогает. Ещё десять капель?

Старик Фимрам буркнул:

– Он Закалка, а это не его стихия. Не вздумай, – на миг замолчал, глухо сказал. – Иди к следующему.

– А этот?

Стражник то и дело терял сознание. Ему уже явно не было дела до того, что я хватал его нож. Не было дела и до того, что я не справляюсь. Голова его сначала безвольно клонилась в одну сторону, затем он вздрагивал, приходил в себя, но уже через вдох она начинала клониться в другую. Глаза стражника ещё держал открытыми, но меня не видел, уставившись куда-то выше, на один из Светочей зала.

Окрик Фимрама подстегнул меня:

– У тебя там ещё шестеро таких же!

Я подхватил нож стражника, который ему уже никогда не пригодится, и шагнул к следующему столу.

Из этих шести Закалок я сумел остановить кровь и перебороть разноцветные нити под кожей лишь у половины. Только у тех, чьи раны оказались либо неглубоки, либо свежи. Да и то, я опустошил себя почти до дна средоточия, используя Прикосновение Весны Умножением, чтобы справиться с хлещущей кровью. Не будь у меня столь большого запаса духовной силы, не вышло бы и этого. Остальные... Может быть, их и сумел бы спасти старик Фимрам, но он по-прежнему занимался Воинами и всё чаще и чаще за моей спиной сверкало голубым от земных техник. Возможно, я сумел бы помочь тоже, если бы использовал ту технику, что до сих пор скрывал: Длань Возрождения. Технику, которую использовал Мириот именно для борьбы с духовными ядами Зверей. Но она слабее. А кто мне те, что лежат передо мной? Верные стражники Саул?

Я замер у последнего стражника. Рана в груди. Рассечены даже рёбра, и я отчётливо видел сизое лёгкое, словно покрытое зелёным лишайником. Десять капель из фиала Огня ничем ему не помогли. Кровь я всё же остановил, но на моих глазах тонкие зелёные нити ползли по его шее. Стражник захрипел:

– Ещё!

И ударил меня по руке раньше, чем я очнулся от размышлений о технике. Не ещё десять, а все тридцать мерцающих красным капель пролились в раскрытую рану.

– Какого дарса!

Я отскочил с проклятьем. Стражник со всхлипом вдохнул полной грудью. На моих глазах тонкие зелёные нити на шее превратились в толстые как палец кровавые жилы, рванули к голове. Через мгновение стражник выгнулся на столе и затих.

– Отродье!

Удар сбил меня на пол, выбил зелье из рук, залив светящейся алым алхимией пол. Словно кровь к крови.

– Ты убил его.

Я сжался под бешеным взглядом стражника с тёмно-пепельными волосами и выбитым силуэтом меча на левой стороне доспеха. Почти все остальные ушли, принеся раненных. Лишь пятеро остались, но стояли за порогом зала. Этот оказался рядом со мной одним использованием техники. Бушующий вокруг меня огонь требовал убегать, сражаться за свою жизнь. Вот только я не мог ни сражаться, ни бежать. Куда бы я ни прыгнул, но без техники движения уйти от опасности у меня бы не вышло. Вряд ли стражника и его руку, опускающуюся к мечу, остановили бы мои слова. Но остановили слова Фимрама:

– Оставь этого слугу, не тебе его наказывать. Пусть твой собрат винит лишь себя. Десять капель Стихиального Огня – предел, который может выдержать Закалка. Он убил себя сам. Если это действительно твой друг, то позаботься о теле, – голос Фимрама стал жёстче. – Правда, этот старик впервые слышит, чтобы стражники помещая так переживали за долговых Закалок.

Долговых? Я покосился на лежащих Закалок. Стражник же оскалился:

– Неважно. В лесах он стал моим собратом.

Старик Фимрам усомнился:

– Вот как? Хорошо сказано. Так значит, ты и этого старика тоже убьёшь за смерть собрата? Оглянись, позади меня тоже мертвец. На этот раз из твоих братьев-Воинов.

Лицо стражника исказила злая гримаса, над его головой вспыхнул один из контрактов. Стражник выругался и выскочил из зала, оттолкнув стоящих на пути. Фимрам мгновение глядел ему вслед, затем стегнул меня словами:

– Чего этот слуга разлёгся?! Живо помогай!

Теперь тряпки с ран снимал я, как и подавал в руки Фимрама требуемые пузырьки. Старик сейчас подробно объяснял, что я вижу, что происходит с раной, и что он будет делать. И не сумел спасти ещё одного Воина. Там и рана была не столь глубока, как у остальных, но вот яда в ней... Коготь Зверя рассёк броню, рассёк плоть Воина, словно острейший нож, прободил живот всего на палец в глубину. Казалось бы, за стражником приглядывает само Небо. Но когда я срезал ремни брони, распахнул промокший кровью халат... Весь живот оказался синего цвета. Точь-в-точь как его волосы. Или мои.

– Зверь использовал то, что у людей называется оружейной техникой. С когтей выплеснулась его духовная сила, смешанная с его стихией. Воин мог бы спастись, если бы сумел противостоять чужой духовной силе своей. Слуга, погляди на его губы.

Я последовал приказу, но не понял, что должен увидеть. Старик Фимрам это сообразил и пояснил:

– Опухшие, потрескавшиеся, словно обожжённые. Ему дали зелье стихии Огня.

Старик Фимрам обернулся ко входу, к стражникам, которые и принесли раненых, спросил:

– Что за отродье дало ему Огонь?

Стражники переглянулись, но промолчали. Фимрам фыркнул, отвернулся от них, сообщил уже мне:

– Одно к одному. Поэтому этот старик так не любит давать им зелья стихий в лес. Обязательно найдётся тот, кто сделает всё так, словно и не слышал про стихии. В его средоточии не хватило энергии для борьбы из-за этого, хотя, может и Зверь попался очень высокого Возвышения.

Старик Фимрам вздохнул, отстранил меня и вскинул над стражником ладони. Обращение земной техники вспыхнуло раз, второй. Но ни новое стихийальное зелье, ни ещё два использования техники так и не спасли Воина. Через три вдоха, после того как синева дошла до шеи, он умер.

Старик опять вздохнул, отстранился и огляделся вокруг. Пройдя ещё раз вдоль столов, Фимрам по одному разу использовал земную технику на всех, включая Закалок, которыми занимался я, устало спросил у тех стражников, что стояли у входа:

– Где этот... – старик проглотил какое-то слово, – Эрой?

– В казармах, господин.

– Тогда забирайте и этих туда же. Как живых, так и мёртвых. Теперь он сумеет о них позаботиться.

Четверо стражников одновременно согнулись, вбивая кулак в ладонь:

– Господин, благодарим за спасение жизней братьев.

Фимрам так же сложил руки:

– Это единственное, чем этот старик может отплатить вам за верную службу семье.

Живых уже унесли, я сливал старику Фимраму на руки из кувшина. Решился спросить:

– Этот слуга не понимает, почему нужно было использовать такие стихии. Как может против огня помочь вода и тут же против воды огонь? И как против дерева может помочь что угодно?

– Что главных стихий пять и их можно расположить по кругу, этот глупый слуга знает?

Я кивнул:

– Видел в книгах такой круг ещё в Первом.

Старик Фимрам нахмурился, задал новый вопрос:

– А были ли там начертаны стрелы от стихий к друг другу?

На этот раз я ответил, говоря о себе, как о постороннем:

– Нет, этот слуга не видел такого.

Старик чему-то кивнул и сообщил:

– Правильного расположения стихий по кругу нет. Но по традиции вверху всегда помещают Дерево, как дающее начало жизни. Суть же стихий, главных стихий, такова, что среди них нет верховной, небесной. Каждая из них обладает равным могуществом. Но где-то больше Воды, а где-то больше Земли. Как вода может затопить землю, так и земля может впитать воду. Как вода может потушить огонь, так и огонь может испарить воду. Продолжи, – старик обернулся ко мне, – глупый слуга.

– Огонь может сжечь дерево, а дерево... Э-э-э.

– Глупый слуга, – не преминул указать мне старик. – Так и дерево может потушить огонь. Любой костёр можно завалить дровами так, что он потухнет. Тем более, если это будет свежая зелень, ещё полная жизни, а не сухая, пропитавшаяся стихией огня от солнца... Суть глупый слуга уяснил?

– Как огонь может расплавить землю, так земля может потушить огонь.

– Всё правильно. В противоборстве стихий значение имеет её чистота и мощь. Крохотный огонёк зальёт кружка воды. Но Небесное пламя сожгло весь столичный круг империи Древних, испарив все его реки и озёра. Воздух может сдуть пламя, а может и... – старик Фимрам вытер руки поданным мной полотенцем. – Про помощь стихий уже неважно для глупого слуги, пусть он запомнит основное. Мои зелья не очень чисты и против огня всё же лучше использовать воду, чем добавить дерево, которое может подстегнуть его. Огонь – Вода, Ветер – Земля и наоборот. Когда в рану попадает духовный яд, то лучше сжечь его своей стихией и духовной энергией.

Я кивнул. Этот способ нам рассказывали в Школе Ордена. Хотя тогда речь шла больше о том, что обычную, не стихийную отраву можно уничтожить своей духовной силой. А чужую духовную силу из раны можно вытеснить своей, если у тебя её достаточно. Или, как было со мной, если ты способен это делать, а не валяешься без сознания, да ещё и притворяясь Закалкой. Старик же продолжал объяснять новые тонкости:

– Но если не выходит, то остаётся лишь помощь стихийальных зелий. Для Воинов нужно использовать их стихию, чтобы помочь им.

– Даже если эта же стихия их и отравила?

– Несомненно. Для Воина или Мастера – несомненно. Его духовное намерение позволит ему использовать силу эликсира для помощи себе. Ведь зелья созданы для людей, а не для Зверей.

От неожиданности я кхенул, да и вопрос задать сумел не сразу:

– Зверей? Можно создать зелья для Зверей? Зачем?

– Хотя бы затем, что приручённых Зверей часто используют в сражениях. И зелья, которые залечивают им раны или помогают Возвышению, неплохо можно продать.

– Разве для Возвышения им не нужны небесные травы?

– Или концентраты из них. Одной каплей возвышающего зелья для Зверя можно убить любого Воина. Неплохая отравка.

Старик Фимрам захохотал, словно рассказал отличную шутку. Поняв, что я не собираюсь веселиться вместе с ним, смолк, вскинув брови:

– А уж если Зверь прошёл преображение, то что он закажет у мастера алхимии? Беспольные человеческие зелья или звериные?

– Чего?!

Но старик Фимрам уже отвернулся, двинулся прочь, буркнув мне через плечо:
– Чтобы к утру зал выскоблил начисто.

Несколько вдохов я всё крутил в голове его предыдущие слова. Нет, я помнил не только сказки про Рама Вилора и его телохранителя Тигра, но и байки Гунира про то, что Звери могут преобразаться. На... этапе равном человеческому Предводителю, как раз том, на котором находятся сильнейшие идущие этого Пояса. Но мне почему-то ни разу не приходила в голову мысль, что такие Звери будут жить среди людей, а не в лесах и уж тем более будут ходить в алхимические лавки, заказывая себе наборы зелий. Да уж.

Послышались шаги. На этот раз пришедшие стражники оказались лишь Закалками. Хотя старик Фимрам ясно сказал, что они тоже долговые слуги Саул, но рисковать я не стал и склонился в поклоне. Первым делом они нагрузились срезанными с раненых доспехами и оружием. Опомнившись, я проверил, вышли ли они из Павильона. Убедившись, прикрыл дверь в зал, спрятавшись с ведром воды за дальним столом. Под ним валялся топор стражника – Воина. Того самого, что умер последним и на моих глазах.

Удачно. Прислушавшись к шорохам за стенами зала, ухватил топор за рукоять. Я не могу брать в руки меч, копьё или Молот Монстров. Но вот запрет на использование топора я не вносил в Указ. Отличный топор Второго пояса. Я не кузнец, не артефактор. Моя медитация познания никчёмная. Но это оружие явно схожего качества с тем мечом, что рассёк мне шею, когда я стоял на коленях перед Домаром. Я лишь чиркнул на пробу им по доспеху мертвеца, а на том сразу же осталась глубокая отметина.

Ни одного постороннего звука вокруг. Стены этого зала тонки, если кто-то войдёт в коридор, ведущий к его дверям, то я сразу услышу. Распахнув полы халата, я оттянул цепь, прижался шеей к ножке стола, вслепую коротко рубанул по звеньям между пальцами. Ещё и ещё раз, наполняя зал звуком хрустящего дерева.

Отпрянув в сторону, пропустил цепь между пальцев, а затем скосил глаза, пялясь на неё. Ни единой зазубрины, ни единого повреждённого звена. А мне бы хоть одно, хоть наполовину. Дарсова цепь. Едва удержался от рыка ненависти. Шаги от входа в Павильон вбили мне его в глотку, заставив клокотать в груди.

Вошедшие в зал стражники увидели меня, собирающего в ведро окровавленные тряпки. Поклонившись пришедшим ещё раз, я продолжил работать, старательно не глядя на лежащий на полу топор и наполовину перерубленную ножку стола. Нужно будет у Арнуза выпросить клея, смешать его с опилками и замазать прорубь.

– Старший.

Я вскинулся, готовясь приветствовать вместе со стражниками вошедшего в зал и кляня себя за невнимательность: не слышал в шуме уходящих шагов, тех, что вели сюда. Кто?

Никого. В зале остался лишь один стражник, смотревший не на вход, а на меня. И приветствовавший меня. На груди его виднелось выбитое изображение меча, но только когда он снял шлем, открыв голубые волосы, я узнал стражника:

– Зотар?

– Да, старший.

Я скривился:

– Не лучшая мысль называть меня так. Это больше похоже на насмешку.

Он лишь пожал плечами:

– Вы слуга, я слуга. Но вы всё ещё старше меня в Возвышении.

Оглядев броню Зотара, найдя на ней такие же следы схватки, я сделал очевидный вывод:

– Ты в отряде, который ходит в лес.

– Верно, старший, – Зотар ткнул пальцем в силуэт меча на груди. – Отряд добытчиков Домара, старший.

Я вновь поморщился, на этот раз не сдержав злости:

– К чему это именование? Если ты хочешь говорить со мной, то не используй его. У меня есть имя. Хорош старший, что подвёл младшего под долговой контракт.

Зотар кивнул:

– Я тоже там был... Леград. Это уж точно не... твоя вина. Дед ничего подобного не рассказывал про семью Саул.

– А про долговые контракты?

– Рассказывал. Но никогда и никто не использовал их на поднявшихся из Пояса. Эта штука для тех, кому грозит туда упасть.

Неудивительно, что вчера мне запретили даже подходить к воротам поместья. Три дня в городе будут старшие других фракций. Если увидеть Лира Гароя... Я уточнил:

– Это нарушение закона?

– Не знаю. Дед о таком законе не рассказывал, но он сам был молод, когда его поймали и изгнали.

Я лишь кивнул на эти слова. Так и думал.

– Он всегда говорил, что его знания ограничены тем, чем он интересовался.

Я закончил за Зотара:

– И уж точно это были не правила и законы для вернувшихся.

– Верно, ста... Леград. Да и тогда здесь всем заправлял другой Саул. Правда, он уже и тогда был старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.